

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 6 (2020)

Оглавление

В сфере административно-правовых отношений.....	2
условия содержания в местах лишения свободы	2
практика Европейского Суда по правам человека.....	2
право на уважение семейной жизни.....	4
практика Европейского Суда по правам человека.....	4
вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов; вопросы соразмерности присуждаемой внутригосударственными судами компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок вступившего в законную силу судебного акта.....	5
практика Европейского Суда по правам человека.....	5
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений.....	9
запрет пыток, иного недопустимого обращения (домашнее насилие)	9
практика Европейского Суда по правам человека.....	9
нахождение обвиняемого в ходе судебного заседания.....	24
в металлической клетке.....	24
практика Европейского Суда по правам человека.....	24
право на свободу и личную неприкосновенность.....	25
практика Европейского Суда по правам человека.....	25
право на справедливое судебное разбирательство (право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и право допрашивать свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, выступающих против него).....	26
практика Европейского Суда по правам человека.....	26
право на справедливое судебное разбирательство	40
(право на беспристрастный суд).....	40
практика Европейского Суда по правам человека.....	40
право на справедливое судебное разбирательство	46
(право на публичное судебное разбирательство).....	46
практика Европейского Суда по правам человека.....	46
право на справедливое судебное разбирательство	48
(право на участие защитника).....	48
практика Европейского Суда по правам человека.....	48
право на справедливое судебное разбирательство	48
(недопустимость провокации совершения преступления)	48
практика Европейского Суда по правам человека.....	48
право на справедливое судебное разбирательство (соблюдение принципа презумпции невиновности);	54
нахождение подсудимого в наручниках в ходе судебного разбирательства	54
практика Европейского Суда по правам человека.....	54

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

условия содержания в местах лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 30155/05 **«Верецагин и другие против Российской Федерации»** и по 2 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 года), которым исключены из списка подлежащих рассмотрению дел жалобы заявителей на ненадлежащие условия содержания и транспортировки (в связи с заключением мирового соглашения).

Власти представили односторонние декларации с целью разрешения проблем, затронутых в жалобах, признав ненадлежащие условия содержания под стражей, ненадлежащие условия транспортировки и нарушение статьи 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года². Власти предложили выплатить заявителям суммы, указанные в прилагаемой таблице, и предложили Суду исключить данные жалобы из списка подлежащих рассмотрению дел в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции. Указанные суммы будут переведены в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, и будут выплачены в течение трех месяцев с момента

¹ В рамках настоящего *Обзора* понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Европейский Суд по правам человека.

² Далее – Конвенция.

получения уведомления о вынесенном Европейским Судом решении. В случае невыплаты этих сумм в течение указанного трехмесячного срока власти обязались выплатить простые проценты, начисляемые на указанные суммы с даты истечения этого срока и до окончательного расчета по ставке, равной предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта. Эта выплата будет являться окончательным урегулированием дел в той части, в которой они касаются жалоб на ненадлежащие условия содержания под стражей (пункт 8 постановления). Заявители сообщили Суду о своем согласии с условиями деклараций.

Суд отметил, что с учетом явно выраженного согласия заявителей с условиями деклараций властей, данные дела в части, касающейся условий содержания под стражей, следует считать урегулированными посредством заключения сторонами мировых соглашений. Таким образом, Суд принял во внимание мировые соглашения, заключенные сторонами. Он с удовлетворением отметил, что мировое соглашение основано на принципе соблюдения прав человека, определенных Конвенцией и Протоколами к ней, и не увидел оснований для дальнейшего рассмотрения всех жалоб в частях, касающихся ненадлежащих условий содержания под стражей, ненадлежащих условий транспортировки в жалобах №№ 81155/12 и 3464/17, и отсутствия эффективных внутригосударственных средств правовой защиты для обжалования ненадлежащих условий содержания под стражей, указанных в жалобе № 3464/17 (пункт 10 постановления).

С учетом вышесказанного Суд посчитал приемлемым исключить данные части жалоб из списка дел, подлежащих рассмотрению.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда, которыми было установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением *надлежащих условий лишения свободы, включая ненадлежащие условия перевозки заявителей и их нахождения в исправительных учреждениях*, а также ввиду отсутствия у заявителей эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений, по жалобам:

№ 66754/13 и по 10 другим жалобам **«Воронов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2019 года);

№ 56110/09 и по 8 другим жалобам **«Клеменков и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года);

№ 63337/16 и по 6 другим жалобам **«Коваленко и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года);

№ 47563/16 и по 6 другим жалобам **«Колчанов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 14 декабря 2017 года);

№ 57927/16 и по 2 другим жалобам **«Митрюков против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года);

№ 49876/16 и по 12 другим жалобам **«Мокин и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 11 января 2018 года);
 № 31681/16 и по 6 другим жалобам **«Ночевка и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 14 декабря 2017 года);
 № 5855/09 и по 9 другим жалобам **«Пузрина и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года);
 № 2420/09 и по 8 другим жалобам **«Полещук и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года);
 № 9992/12 и 5 другим жалобам **«Серов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 года);
 № 27015/12 и 6 другим жалобам **«Степанов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 11 января 2018 года);
 № 50932/16 и 3 другим жалобам **«Стучилов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года);
 № 9904/09 **«Юдин против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 11 декабря 2018 года).

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда, которым было установлено нарушение статьи 3 Конвенции из-за необеспечения заявителям *надлежащей медицинской помощи* (в том числе во время их содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы) и в связи с отсутствием у заявителей эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений, по жалобе № 35105/10 и по 3 другим жалобам **«Колесников и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года).

право на уважение семейной жизни

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 30155/05 **«Верещагин и другие против Российской Федерации»** и по 2 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 года), в котором установлено нарушение пункта 1 статьи 8 Конвенции в связи с необеспечением В. возможности встречаться со своей беременной женой в период его содержания в следственном изоляторе.

*вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов;
вопросы соразмерности присуждаемой внутригосударственными судами
компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок
вступившего в законную силу судебного акта*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 36539/08 **«Шматова и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 11 февраля 2020 года), в котором установлено нарушение пункта 1 статьи 6 и статьи 13 Конвенции в связи с неисполнением вынесенных в пользу заявителей и вступивших в законную силу решений национальных судов.

Европейский Суд отметил, что в соответствии с решением от 20 января 2007 года заявители имели право на восстановление центрального отопления в своих домах. Из имеющихся документов не следовало, что решение или способ его исполнения были изменены национальным судом в какой-либо момент времени. Суду не была предоставлена информация о каких-либо мерах, предпринятых компанией-должником или властями с целью исполнения решения в соответствующей части. Как усматривалось из материалов дела, исполнительное производство не было официально завершено (пункт 21 постановления).

Европейский Суд не принял довод властей Российской Федерации о том, что решение было исполнено, поскольку его цель была достигнута после установки индивидуального отопления. Суд посчитал: хотя заявители нашли практическое решение проблемы отопления домов и в настоящее время жилые помещения оборудованы индивидуальными системами газового отопления, из имеющихся материалов следовало, что это было сделано не в рамках обеспечения исполнения судебного решения, вынесенного в их пользу. Кроме того, Суд отметил следующее – заявители недовольны своей нынешней системой отопления, которая отличается от той, на которую они имели право в соответствии с решением суда (пункт 21 постановления).

Принимая во внимание собственную прецедентную практику по данному вопросу, Суд пришел к выводу: в настоящем деле власти не приложили всех необходимых усилий для своевременного исполнения судебного решения, вынесенного в пользу заявителей. Одновременно Европейский Суд также обратил внимание – в судебном решении по указанной жалобе было предписано принять конкретные меры. В связи с этим Суд постановил, что рассматриваемое судебное решение представляло собой «имущество» по смыслу статьи 1 Протокола 1 к Конвенции (пункты 23–24 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 64098/09 «**Кужелев и другие против Российской Федерации**» и по 6 другим жалобам (вынесено 15 октября 2019 года, вступило в силу 15 января 2020 года), в котором также установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции ввиду неисполнения или чрезмерно длительного исполнения вынесенных в пользу заявителей и вступивших в законную силу решений национальных судов.

Суд установил – судебные решения, вынесенные в пользу заявителей, были исполнены с задержкой в один год и десять месяцев (пункт 109 постановления).

Заявители жаловались на неисполнение судебных решений, вынесенных в отношении федерального государственного унитарного предприятия (далее – ФГУП).

Суд отметил: «задержка выплаты присужденной денежной компенсации продолжительностью менее одного года, в принципе, не противоречит Конвенции, в то время как любая более длительная задержка является *prima facie* необоснованной... Хотя сложность судопроизводства по признанию несостоятельности, с участием нескольких кредиторов, может объективно оправдать некоторые определенные задержки в исполнении, общая длительность исполнения, по мнению Суда, несовместима с требованиями Конвенции, в особенности, учитывая характер присужденных сумм - задержанная заработная плата... Не принимая в течение значительного периода времени необходимых мер для исполнения вступивших в силу судебных решений, вынесенных по настоящему делу, власти свели на нет полезное действие пункта 1 статьи 6 [Конвенции], а также помешали заявителям получить причитающиеся им по праву денежные суммы, что представляло собой несоразмерное вмешательство в их право на беспрепятственное пользование имуществом» (пункт 110 постановления).

По мнению Суда, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 в связи с неисполнением вступивших в силу и обязательных судебных решений, вынесенных в пользу заявителей по отношению к ФГУП.

Заявители также жаловались на неисполнение судебных решений в отношении ОАО³ о взыскании заработной платы за июнь–июль 2008 года.

Судом было установлено: «к настоящему времени суммы, присужденные мировым судьей в пользу заявителей, не выплачены. Учитывая вывод об ответственности государства за долги ОАО

³ Открытое акционерное общество.

перед заявителями⁴...., период неисполнения судебных решений должен включать период взыскания задолженности в ходе процедуры ликвидации... Суд [посчитал] необходимым отметить: в настоящих делах решения, вынесенные в конце 2008 года в пользу шести заявителей, к дате ликвидации компании-должника в 2012 году оставались неисполненными в течение более трех лет» (пункт 135 постановления).

По мнению Суда, столь длительные задержки сами по себе не соответствуют требованиям Конвенции. «Хотя процедура ликвидации может объективно оправдать некоторые ограниченные задержки в исполнении судебных решений, – отметил Суд, – продолжительное неисполнение этих решений, вынесенных в пользу заявителей, в течение нескольких лет вряд ли может быть обоснованным в любых обстоятельствах. Факты настоящих дел скорее указывают на то, что власти не считали себя связанными обязательством выплатить работникам долги, присужденные судом в отношении их заработной платы, после того как ФГУП приняло решение ликвидировать компанию-должника [ОАО]» (пункт 136 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что, не принимая в течение значительного периода времени необходимых мер для исполнения вступивших в силу судебных решений, вынесенных в пользу заявителей, власти свели на нет суть их «права на суд», а также помешали заявителям в течение значительного периода времени получить причитающиеся им по праву денежные суммы, что представляло собой несоразмерное вмешательство в их право на беспрепятственное пользование имуществом (пункт 137 постановления).

С учетом изложенного Суд констатировал нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции из-за неисполнения судебных приказов, вынесенных в пользу заявителей.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 3249/12 **«Волков и другие против Российской Федерации»** и по 6 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 23 июля 2019 года), где заявители жаловались на то, что вынесенные в их пользу и вступившие в силу судебные акты были исполнены со значительным опозданием. Они также жаловались на

⁴ Суд посчитал, что как «минимум к датам вынесения судебных решений в пользу заявителей и в течение последующего периода, до ликвидации общества, *активы и деятельность ОАО, фактически, контролировались и управлялись государством в решающей степени* [выд. составителями Обзора]... Из этого следует, что ОАО не обладало достаточной организационной и операционной независимостью от государства, чтобы освободить власти от их ответственности по Конвенции за долги ОАО в отношении заработной платы в пользу заявителей... Следовательно, в конкретных обстоятельствах настоящего дела, государство должно быть признано ответственным за долговые обязательства ОАО в отношении задолженности по заработной плате...» (пункт 124 постановления).

недостаточную компенсацию, присужденную им в соответствии с Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон о компенсации).

Суд повторил: «в случае, когда государство сделало значительный шаг, введя компенсаторное средство правовой защиты, Суд должен предоставлять государству более широкие пределы усмотрения, чтобы позволить ему привести средство правовой защиты в соответствие со своей собственной правовой системой и традициями, а также с уровнем жизни в стране. Таким образом, Суд был готов признать: суммы компенсаций, присуждаемые решениями внутригосударственных судов за нарушения конвенционных прав, могут быть несколько ниже тех сумм, которые обычно присуждаются Судом в подобных делах... Однако в настоящем деле суммы компенсаций, присужденные внутригосударственными судами, намного ниже сумм, присуждаемых Судом в подобных случаях в качестве возмещения морального вреда. С отсылкой к конвенционным критериям, определенным в пилотном постановлении (см.: постановление Европейского Суда по делу *«Бурдов против России (№2)»*)..., Суд [посчитал], что суммы, присужденные заявителям внутригосударственными судами, являлись необоснованно низкими, с учетом, в частности, характера рассматриваемых судебных решений и их чрезмерно длительного исполнения» (пункт 12 постановления).⁵

Суд отметил, что он уже устанавливал нарушение Конвенции в отношении неисполнения или чрезмерно длительного исполнения судебных актов и недостаточной компенсации в отношении таких нарушений в соответствии с Законом о компенсации. Суд не установил каких-либо оснований для иного вывода по настоящим делам (пункт 13 постановления).

Изложенные выше соображения явились достаточными, чтобы позволить Суду сделать вывод – власти не выполнили своих обязательств по немедленному исполнению вступивших в силу судебных актов, вынесенных в пользу заявителей.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобам:

№ 28852/06 *«Андреев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года);

№ 48978/11 *«Гобаев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 15 октября 2019 года);

№58821/08 и 18360/13 *«Индаева и Султанов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 10 марта 2020 года);

⁵ Суммы присужденных компенсаций указаны в приложении к постановлению.

№ 77185/11 *«Поддубный против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 29 октября 2019 года);

№ 9157/04 *«Смирнова против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 15 октября 2019 года);

№ 5489/10 *«Юнусова против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 января 2020 года), в которых также было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с неисполнением или чрезмерно длительным исполнением вынесенных в пользу заявителей и вступивших в законную силу решений национальных судов, в том числе по обязательствам имущественного и неимущественного характера государства и муниципальных образований.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

запрет пыток, иного недопустимого обращения (домашнее насилие)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 41261/17 *«Володина против Российской Федерации»* (вынесено 4 июля 2019 года, вступило в силу 4 ноября 2019 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции во взаимосвязи со статьи 14 Конвенции в связи с невыполнением властями обязательств по обеспечению заявительницы надлежащей защиты от домашнего насилия и по созданию в России условий для реального гендерного равенства.

Суд повторил, что «проблема домашнего насилия, которое может принимать различные формы – от физического нападения до сексуального, экономического, эмоционального или словесного насилия, – выходит за пределы отдельного дела. Это общая проблема, которая оказывает в различной степени влияние на все государства-члены, и которая не всегда проявляется, поскольку часто имеет место в рамках личных отношений или в узком кругу, и касается различных членов семьи, хотя подавляющее большинство жертв – женщины» (пункт 71 постановления). Особая уязвимость жертв домашнего насилия и необходимость активного участия государства в их защите подчеркивались в ряде международных инструментов и в прецедентной практике Суда.

Чтобы попасть в сферу действия статьи 3 Конвенции, отметил Суд, жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка того, был ли этот минимальный уровень достигнут, зависит от многих факторов, включая характер и контекст обращения, его продолжительность и его последствия для физического и морального

здоровья, а также пол жертвы и отношения между жертвой и тем, кто подвергает ее такому обращению. Однако даже при отсутствии фактических телесных повреждений или сильных физических и нравственных страданий, когда обращение унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение к его человеческому достоинству или его принижение, или вызывает у человека чувство страха, тоски или собственной неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление личности, оно может быть охарактеризовано как «унижающее достоинство» и также подпадать под действие запрета, содержащегося в статье 3 Конвенции. По мнению Суда, вполне достаточно, если жертва унижена в своих собственных глазах, не будучи унижена по мнению других лиц (пункт 73 постановления).

Касательно обстоятельств дела Суд подчеркнул, что физические страдания, причиненные заявительнице от рук С., были зафиксированы в медицинских документах, а также в полицейских протоколах. По меньшей мере, три раза С. нападал на нее, ударяя ее по лицу и животу – в том числе, когда она была беременна. Особенно сильный удар по животу привел к преждевременному прерыванию ее беременности. Эти инциденты сами по себе достигали необходимой степени жестокости согласно статье 3 Конвенции. Однако Суд также признавал: помимо физических травм, важным аспектом домашнего насилия является психологическое воздействие (пункт 74 постановления)⁶.

Если было продемонстрировано, что обращение достигло минимального уровня жестокости и это влечет защиту на основании статьи 3 Конвенции, Суду далее следует рассмотреть вопрос о том, выполнили ли власти государства свое позитивное обязательство по статье 1 Конвенции, толкуемой в совокупности со статьей 3, для обеспечения того, чтобы частные лица, находящиеся под его юрисдикцией, были защищены от всех форм жестокого обращения, включая случаи, когда жестокое обращение имеет место со стороны физических лиц.

⁶ «Заявительница сообщала в полицию о многочисленных случаях угрожающего поведения со стороны С., из-за чего она жила в страхе за свою безопасность. Свидетельством этого страха могут служить неоднократные попытки заявительницы уехать от него и искать приюта в [городе] М. – вдали от ее родного города У... С. преследовал и запугивал ее, отвозя ее назад в [город] У. против ее воли, помещая GPS-трекер в ее сумочку и отслеживая ее перед домом... Он стремился наказать ее за то, что считал неприемлемым поведением, угрожая ей убийством, а также повреждая или отнимая ее собственность и удостоверяющие личность документы... Публикация им ее личных фотографий еще больше унижала ее достоинство, являясь проявлением унижения и неуважения... Чувства страха, беспокойства и беспомощности, которые должна была испытывать заявительница в связи с его контролирующим и принуждающим поведением, были достаточно серьезными, чтобы являться равноценными бесчеловечному обращению в значении статьи 3 Конвенции» (пункт 75 постановления).

Эти позитивные обязательства, которые взаимосвязаны, включают в себя:

(а) обязательство создать и применять на практике соответствующую правовую основу, дающую защиту от жестокого обращения со стороны физических лиц;

(б) обязательство предпринимать разумно обоснованные меры, которые могли бы быть ожидаемы для предотвращения реального и непосредственного риска подвергнуться жестокому обращению, о котором было известно или должно было быть известно властям; и

(в) обязательство проводить эффективное расследование в случае подачи небезосновательной жалобы на жестокое обращение (пункт 77 постановления).

Обязательство по созданию правовой основы

Суд сначала рассмотрел вопрос о том, имеются ли в российской законодательной системе соответствующие правовые механизмы для защиты от домашнего насилия, и как они применяются на практике. В международных материалах по данной теме имеется общее понимание того, что необходимы всеобъемлющие правовые и иные меры для обеспечения жертвам домашнего насилия эффективной защиты и гарантий. Обязательство государства в делах, в которых речь идет об актах домашнего насилия, как правило, требует от внутригосударственных органов власти принятия позитивных мер в сфере защиты, относящихся к уголовному праву. Такие меры, в частности, включают криминализацию актов насилия в семье, обеспечивая эффективные, пропорциональные и «отговаривающие» санкции. Привлечение к ответственности виновных в актах домашнего насилия призвано обеспечить, чтобы такие действия не игнорировались компетентными органами, и предоставить эффективную защиту от них (пункт 78 постановления).

Суд согласился с тем, что различные законодательные меры в сфере уголовного права могли бы удовлетворять требованию о соответствующем законодательном механизме для защиты от домашнего насилия, при условии, если такая защита остается эффективной. Так, он был удовлетворен тем, что молдавское право предоставляет конкретные уголовные санкции за совершение актов насилия в отношении членов собственной семьи и предусматривает обеспечительные меры для жертв насилия, а также санкции против тех лиц, которые отказываются подчиняться судебным постановлениям. В отношении Хорватии, Литвы и Румынии Суд пришел к выводу – криминализовав домашнее насилие в качестве отягчающей формы иных преступлений и приняв конкретные нормы для защиты жертв домашнего насилия, власти выполнили свое обязательство о создании

правовой основы, позволяющей жертвам домашнего насилия жаловаться на такое насилие и добиваться защиты (пункт 79 постановления).

Европейский Суд не смог согласиться с утверждениями властей о том, что существующие положения уголовного права способны должным образом решить проблему преступления, заключающегося в домашнем насилии. После ряда серьезных законодательных поправок нападение на членов семьи сейчас считается уголовным преступлением лишь в случае его совершения во второй раз в течение двенадцати месяцев или в случае, если в его результате были причинены, по крайней мере, «легкие телесные повреждения». Суд ранее установил: «требование, чтобы телесные повреждения достигали определенной степени тяжести, в качестве обязательного условия для уголовного расследования подрывает эффективность обеспечительных мер, о которых идет речь, поскольку домашнее насилие может принимать различные формы, и некоторые из них (такие как психологическое или экономическое насилие либо контролирующие или принуждающие действия) не приводят к физическим повреждениям... Более того, положение о «повторных побоях» не предоставляло бы заявителю никакой защиты в ситуации, при которой за нападениями, совершенными в 2016 году, последовала новая волна угроз и нападений более чем через двенадцать месяцев спустя, в 2018 году. Суд также повтор[ил]: домашнее насилие может происходить даже в результате одного единственного инцидента» (пункт 81 постановления).

Кроме того, Суд обратил внимание: российское законодательство оставляет судебное преследование по обвинениям в «нанесении легких телесных повреждений» и «повторных побоях» на личное усмотрение потерпевшего. Суд уже признавал – эффективная защита конвенционного права на физическую неприкосновенность не требует судебного преследования в форме государственного обвинения во всех делах о нападениях, совершенных физическими лицами. В контексте домашнего насилия, однако, он посчитал, что возможности для уголовного преследования в форме частного обвинения недостаточно, поскольку такое производство, очевидно, затратно по времени и не может предотвратить повторение аналогичных инцидентов. Уголовное преследование в форме частного обвинения возлагает чрезмерное бремя на жертву домашнего насилия, перекладывая на нее ответственность за сбор доказательств, на основании которых вина насильника может быть установлена в соответствии с уголовным стандартом доказывания. Как признали власти, сбор доказательств сопряжен с проблемами в тех делах, где насилие совершается в частной обстановке без присутствия свидетелей и иногда не оставляет заметных следов. Суд согласен, что это нелегкая задача даже для обученных сотрудников правоохранительных органов, но проблема становится непреодолимой для жертвы, от которой ожидается самостоятельный сбор доказательств, при этом она продолжает проживать под одной крышей с

правонарушителем, будучи финансово зависимой от него и опасаясь расправы с его стороны. Более того, даже если судебное разбирательство окончится вынесением обвинительного приговора, жертве не может быть предоставлена необходимая защита, такая как охранные предписания или предписания, устанавливающие ограничения, поскольку такие меры не предусмотрены в российском законодательстве (пункт 82 постановления).

Суд, сославшись на дело *Опуз*, перечислил определенные факторы, которые могли бы приниматься во внимание при вынесении решения о том, следует ли сделать домашнее насилие подлежащим уголовному преследованию в форме публичного обвинения, и постулировал принцип о том, что «чем более тяжким является преступление, или чем больше риск совершения преступлений в дальнейшем, тем более вероятно, что судебное преследование следует продолжать с точки зрения публичного интереса, даже если потерпевший отозвал свои жалобы». В других делах Суд удовлетворился тем, что, «в той мере, в какой государственный обвинитель имеет право инициировать уголовное расследование действий, которыми были причинены легкие телесные повреждения, если преступление имело общественную важность, или если потерпевший не мог защитить свои интересы, внутригосударственное право предоставляет достаточную нормативную базу для судебного преследования по обвинениям в домашнем насилии» (пункт 83 постановления).

Напротив, «российское законодательство не делает исключений из правила о том, что инициирование и ведение производства в отношении таких преступлений полностью зависит от инициативы и настойчивости потерпевших. Европейский Суд повтор[ил], что органы уголовного преследования должны быть в состоянии вести производство в качестве дела, представляющего публичный интерес, независимо от того, отозвал ли потерпевший свою жалобу или нет... [В]ласти не приняли к сведению рекомендацию Совета Европы Rec(2002)5, которая требовала от государств-членов принятия мер в обеспечении того, чтобы уголовные дела могли возбуждаться государственным обвинителем, и чтобы потерпевшим на время такого производства предоставлялась эффективная защита от угроз и возможной мести... Необеспечение властями публичного обвинения при уголовном преследовании за домашнее насилие последовательно критиковалось Комитетом по КЛДЖ⁷. В 2015 году Комитет в своих заключительных замечаниях по Восьмому периодическому докладу Российской Федерации выразил обеспокоенность в связи с высоким показателем распространения насилия в отношении женщин, которое считалось «личным делом», и рекомендовал российскому государству внести поправки в соответствующий закон, обеспечивающие *ex officio* судебное

⁷ Здесь и далее – Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г.

преследование за домашнее насилие... По мнению Комитета, выраженному недавно в отношении жалобы, поданной против России в связи с домашним насилием, которая была аналогична жалобе, рассматриваемой в настоящем деле, возложение бремени доказывания на жертву домашнего насилия при уголовном преследовании в форме частного обвинения имеет последствия в виде отказа в доступе к правосудию, в нарушение обязательств России по КЛДЖ» (пункт 84 постановления).

Суд пришел к выводу: российская правовая основа, которая не определяет домашнее насилие как отдельное преступление или отягчающий элемент других преступлений и устанавливает минимальный порог тяжести телесных повреждений, требуемых для уголовного преследования в форме публичного обвинения, не соответствует требованиям, содержащимся в позитивном обязательстве государства ввести в действие и эффективно применять систему, обеспечивающую наказание за все формы домашнего насилия и обеспечивающую достаточные гарантии для потерпевших.

Обязательство по предотвращению известного риска подвергнуться жестокому обращению

Суд повторил: «власти государства несут обязательство по принятию обеспечительных мер в форме эффективного сдерживания в отношении серьезных нарушений личной неприкосновенности лица членом его семьи или сожителем... Вмешательство властей в частную и семейную жизнь может стать необходимым для защиты здоровья и прав потерпевшего или предотвращения преступных действий при некоторых обстоятельствах... Должен оцениваться риск реальной и непосредственной угрозы, принимая должным образом во внимание конкретный контекст, в котором происходит домашнее насилие. В такой ситуации это не только вопрос обязанности предоставить общую защиту для общества, но и, прежде всего, необходимости принятия к сведению повторение последовательных эпизодов насилия в семье... Суд во многих делах устанавливал – даже если власти и не оставались полностью пассивными, они все же не выполняли свои обязательства по статье 3 Конвенции» (пункт 86 постановления)⁸.

⁸ «Заявительница проинформировала органы государственной власти о насилии со стороны сожителя 1 января 2016 года. Она сообщала о дальнейших эпизодах насилия и угроз насилия посредством телефонных звонков в полицию или подачи официальных заявлений о возбуждении уголовного дела 25 января, 16 мая, 30 июля и 1 августа 2016 года, а также 12 и 21 марта 2018 года. В своих заявлениях она сообщала органам власти об угрозах насилия и фактически совершенном насилии со стороны С., а также предоставляла медицинские доказательства в подтверждение своих утверждений. Таким образом, должностные лица знали или должны были знать о насилии, которому подвергалась заявительница, а также о реальном и непосредственном риске повторения насилия. С учетом этих обстоятельств на власти было возложено обязательство

В подавляющем большинстве государств-членов Совета Европы жертвы домашнего насилия могут обратиться по поводу немедленно принимаемых мер защиты. Такие меры носят различные названия – «ограничивающие предписания», «охранные предписания» или «обеспечительные предписания» – и имеют своей целью воспрепятствование повторению домашнего насилия и гарантии для жертвы такого насилия; как правило, они требуют от правонарушителя покинуть место совместного проживания и не приближаться к жертве либо не вступать с ней в контакт. Комитет КЛДЖ и Специальный докладчик ООН по вопросам насилия против женщин определили ключевые характеристики, которыми должны обладать такие предписания, чтобы обеспечить эффективную защиту жертвы (пункт 88 постановления).

По мнению Суда, Российская Федерация осталась одним из тех немногих государств-членов, чье национальное законодательство не предоставляет жертвам домашнего насилия каких-либо сравнимых мер защиты. Власти государства-ответчика в своих замечаниях не определили никаких мер, которые органы государственной власти могли бы использовать для обеспечения защиты заявительницы. Что касается обращения за государственной защитой, к которой заявительница в итоге прибегла, Суд отметил, что система государственной защиты предназначена для защиты свидетелей до и во время уголовного судопроизводства от любых попыток помешать им давать показания или вынудить их изменить показания. В делах о домашнем насилии личность правонарушителя известна, а запрещающее предписание обеспечивает его удаление от жертвы, чтобы она могла вести обычную жизнь – настолько, насколько это позволяют обстоятельства. Напротив, меры защиты свидетелей имеют целью защиту от нападений пока еще неустановленных сообщников преступников. Эти меры часто включают критические и дорогостоящие средства, такие как – круглосуточная охрана специальной группой охраны, изменение персональных данных и даже иногда пластические операции. В таких существенных мерах, как правило, нет необходимости в контексте домашнего насилия, когда наличие охранного предписания и неукоснительный мониторинг соблюдения партнером-мучителем его условий обеспечат безопасность жертвы и позволят выполнить обязательство государства по защите от риска подвергнуться жестокому обращению (пункт 89 постановления).

В данном деле, согласно позиции Суда, нельзя было утверждать, что российские государственные органы власти предпринимали какие-либо реальные попытки по предотвращению повторных насильственных нападений на заявительницу. Ее неоднократные сообщения о применении

предпринимать все разумно обоснованные меры для ее защиты» (пункт 87 постановления).

физического насилия, похищении и нападении в первой половине 2016 года не привели к принятию никаких мер в отношении С. Несмотря на тяжесть деяний, органы власти лишь получали от него объяснения и делали выводы о том, что это вопросы личных взаимоотношений между ним и заявительницей. Первый раз уголовное дело было возбуждено лишь в 2018 году, то есть более чем через два года после сообщения о первом нападении, и оно касалось не каких-либо насильственных действий С., а гораздо менее серьезного преступления – вмешательства в ее личную жизнь. Несмотря на то, что возбуждение уголовного дела позволило заявительнице подать ходатайство о государственных мерах защиты, она не получила никакого официального решения по своему ходатайству, хотя имела право на получение такого документа по закону. В заключении, выданном местной полицией, утверждалось, что ходатайство необоснованно, а ряд инцидентов домашнего насилия описывался как просто неприязненные отношения между ней и С., не требующие вмешательства со стороны государства. Наконец, имевший место позднее ряд инцидентов с преследованием заявительницы и угрозами убийством в марте 2018 года не привел к принятию никаких обеспечительных мер (пункт 90 постановления).

Суд посчитал, что ответная реакция властей, которым стало известно о риске повторного насилия со стороны бывшего сожителя заявительницы, была явно несоответствующей требованиям, с учетом тяжести деяния, о котором идет речь. Они не приняли никаких мер по защите заявительницы или порицанию поведения С. Они оставались пассивными перед лицом серьезного риска для заявительницы подвергнуться жестокому обращению и, посредством своего бездействия и непринятия сдерживающих мер, позволили С. беспрепятственно и безнаказанно продолжать угрожать заявительнице, запугивать ее и совершать нападения на нее.

***Обязательство провести эффективное расследование по утверждениям
о жестоком обращении***

Обязательство о проведении эффективного расследования всех случаев домашнего насилия является важнейшим элементом обязательств государства согласно статье 3 Конвенции. Чтобы быть эффективным, такое расследование должно быть своевременным и тщательным. Органы власти должны предпринять все разумные меры для обеспечения сохранности доказательств, имеющих отношение к произошедшим событиям, включая судебные доказательства. При рассмотрении дел о домашнем насилии требуется особенно добросовестное отношение, и в ходе национального судопроизводства необходимо принимать в расчет особый характер домашнего насилия. Обязательство государства по расследованию не будет выполнено, если защита, предлагаемая внутригосударственным правом, существует лишь в теории; прежде всего, она также должна эффективно

применяться на практике, что требует быстрого рассмотрения дела без ненужных задержек (пункт 92 постановления).

Суд обратил внимание на то, что с 1 января 2016 года заявительница сообщила в полицию не менее чем о семи эпизодах повторного серьезного насилия или угроз насилием со стороны С., а также представила доказательства, включая медицинские заключения и письменные свидетельские показания, подтверждающие ее утверждения. Ее сообщения являлись небезосновательной жалобой на жестокое обращение, которая приводила к возникновению обязательства по проведению расследования, удовлетворяющего требованиям статьи 3 Конвенции (пункт 93 постановления).

Суд установил, что полиция провела по жалобам заявительницы ряд «доследственных проверок», которые неизменно заканчивались отказом возбуждать уголовное дело на том основании, что не было совершено никакого преступления, подлежащего уголовному преследованию. Прокуроры, осуществлявшие надзор, отменили несколько постановлений по завершении доследственных проверок. Очевидно, они сочли, что утверждения заявительницы носили достаточно серьезный характер и это требовало дополнительного рассмотрения ее жалоб. Однако полицейские не осуществили никаких дополнительных следственных действий и опять выносили постановления об отказе в возбуждении уголовных дел; формулировки этих постановлений, по сути, повторяли текст предыдущих постановлений. С. продолжал преследовать заявительницу в течение более чем двух лет, и за это время органы власти так и не начали уголовного расследования по факту применения или высказывания им угроз применения насилия в отношении заявительницы. Единственное уголовное дело, которое было возбуждено 1 января 2016 года, не относилось ни к одному из эпизодов насилия и касалось, как было отмечено выше, относительно незначительного правонарушения – публикации фотографий заявительницы (пункт 94 постановления).

Во многих предыдущих делах против России Европейский Суд устанавливал, что при получении небезосновательных заявлений о жестоком обращении власти обязаны возбудить уголовное дело; одной лишь «доследственной проверки» недостаточно для соблюдения требований об эффективном расследовании, установленных статьей 3 Конвенции. Эта предварительная стадия имеет слишком ограниченную область применения и не может привести к судебному разбирательству и наказанию виновного лица, поскольку возбуждение и расследование уголовного дела являются предварительными условиями для предъявления обвинений, которые впоследствии могут быть рассмотрены судом. Европейский Суд пришел к выводу о том, что отказ в возбуждении уголовного дела по небезосновательным жалобам на жестокое обращение служит

доказательством невыполнения государством своего процессуального обязательства по статье 3 (пункт 95 постановления).

Суд отметил: «... в этих и во многих других делах нежелание полицейских возбудить уголовное дело и провести его расследование быстрым и тщательным образом привело к потере времени и негативным образом отразилось на их способности обеспечить сохранность доказательств домашнего насилия. Даже когда заявительница продемонстрировала видимые телесные повреждения, такие как после нападений 25 января и 18 мая 2016 года, медицинское освидетельствование не было назначено непосредственно после инцидента. Что каска[лось] первого инцидента, то для назначения полицией медицинского освидетельствования (которое было произведено лишь в марте 2016 года, почти через два месяца после событий) потребовалось вмешательство прокурора, осуществляющего надзор. В отношении второго инцидента... полиция передала дело своим коллегам из другого региона, из-за чего имела место почти трехмесячная задержка. С учетом времени, прошедшего после инцидента, описанного в жалобе заявительницы, медицинское освидетельствование стало бессмысленным; таким образом, заявительнице нельзя вмен[я]ть в вину то, что она отказалась проходить такое [медицинское] освидетельствование» (пункт 96 постановления).

Суд не убедился в том, что власти предпринимали какие-либо серьезные попытки установить обстоятельства нападений или составить общее представление о ряде насильственных действий, как это необходимо в делах о домашнем насилии. Объем их проверок сводился в большинстве случаев к выслушиванию версии правонарушителя об обстоятельствах нападений. Полицейские использовали разнообразные тактические приемы, позволяющие им закончить проверку как можно быстрее. Одна из подобных тактик заключалась в том, чтобы уговорить правонарушителя загладить свою вину и возместить причиненный ущерб. Как только он заменил разбитое стекло в машине заявительницы и вернул ей удостоверяющие личность документы и личные вещи, полиция заявила, что никакого преступления совершено не было, как будто ничего вообще не произошло. Еще один способ состоял в том, что полицейские старались придать тривиальный характер событиям, о которых сообщала им заявительница. Так, покушение на жизнь заявительницы посредством перерезания тормозного шланга ее машины было расценено как дело о мелком ущербе, причиненном повреждением ее собственности, и полиция закрыла дело под тем предлогом, что заявительница не представила оценку ущерба (пункт 97 постановления).

Столкнувшись же с признаками уголовно наказуемых деяний, такими как – зафиксированные травмы или текстовые сообщения с угрозами убийства, сотрудники полиции повысили стандарты представления доказательств, требуемые для возбуждения уголовного дела. Они утверждали: для установления факта такого преступления, как побои,

необходимо доказательство нанесения более чем одного удара, а также что угрозы убийством должны быть «реальными и конкретными», чтобы подлежать уголовному преследованию. Они не ссылались ни на какой национальный источник или судебную практику в обоснование такого толкования положений уголовного права. Суд повторил – запрет жестокого обращения на основании статьи 3 относится ко всем без исключения формам домашнего насилия, и каждый такой акт влечет обязательство по расследованию. Даже один единственный удар может вызвать у жертвы чувства страха и нравственной боли и иметь целью сломить ее моральное и физическое сопротивление. Угрозы являются формой психологического насилия и уязвимая жертва может испытывать страх независимо от объективности характера такого запугивающего поведения. Комитет КЛДЖ указал, что гендерное насилие, чтобы расцениваться таковым, не обязательно должно подразумевать наличие «прямой и непосредственной угрозы для жизни и здоровья жертвы». Это означает следующее – власти всегда должны предпринимать серьезные попытки установить, что на самом деле произошло, и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования по делу (пункт 98 постановления).

Власти обвиняли заявительницу в безынициативности при использовании средств правовой защиты, предоставляемых уголовным правом. По их мнению, то, что она вовсе не подавала или подавала, а впоследствии забирала назад заявления о возбуждении уголовного дела помешало органам государственной власти продолжать уголовное судопроизводство в отношении С. Суд не смог согласиться с этой точкой зрения. Он повторил: положения российского законодательства, которые делают уголовное расследование строго зависимым от подачи жалоб жертвой, несовместимы с обязательством государства по наказанию всех форм домашнего насилия. С учетом особенно уязвимой ситуации жертв домашнего насилия законодательная база должна позволять органам власти проводить расследование дел о домашнем насилии по собственной инициативе в качестве вопроса, представляющего общественный интерес, и наказывать лиц, виновных в таких действиях. В настоящем деле, несмотря на серьезность нападения на беременную заявительницу, которое привело к прекращению беременности, власти не рассмотрели вопрос о том, какие мотивы побудили заявительницу отозвать свое заявление, и не требовала ли серьезность нападения от них проведения уголовного расследования. Они не начали по собственной инициативе ни одного расследования по этому делу, хотя похищение человека и тяжкие телесные повреждения – такие как прерывание беременности – могли расследоваться в рамках публичного обвинения (пункт 99 постановления).

Власти утверждали, что заявительнице были доступны иные юридические средства правовой защиты (такие, как подача гражданского иска к С. о возмещении ущерба) и что если бы она ими воспользовалась, они

бы выполнили свои процессуальные обязательства по Конвенции. Суд повторил, что такой иск привел бы к выплате компенсации, но не к судебному преследованию ответственных лиц. Соответственно, это не составляло бы выполнение государством своего процессуального обязательства по статье 3 в отношении расследования насильственных действий (пункт 100 постановления).

Принимая в расчет то, как органы государственной власти рассматривали это дело, в частности, нежелание органов власти проводить уголовное расследование в связи с заслуживающим доверия утверждениями заявительницы о жестоком обращении со стороны С. и непринятии ими эффективных мер в его отношении, обеспечивающих его наказание в соответствии с применимыми законодательными положениями, Суд пришел к выводу, что государство не выполнило своего позитивного обязательства по расследованию жестокого обращения, которому подверглась заявительница.

Заявительница также жаловалась, что непринятие властями конкретных мер по борьбе с гендерной дискриминацией в отношении женщин было равноценно нарушению статьи 14 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 3.

Суд обратил внимание: «[в] соответствии с установившейся прецедентной практикой Суда для возникновения вопроса по статье 14 должно иметь место различие в обращении с физическими лицами в сравнимых ситуациях. Подобное различие в отношении является дискриминационным, если оно лишено объективного надлежащего обоснования. Суд также признал, что общая политика, которая оказывает диспропорциональное преюдиционное влияние на конкретную группу, может считаться дискриминацией, даже если она не имеет целью именно эту группу, и нет дискриминационных намерений. Дискриминация, противоречащая Конвенции, может также являться результатом *de facto* ситуации» (пункт 109 постановления).

Суд признал: «[и]сходя из условий специализированных правовых актов – в первую очередь Конвенции КЛДЖ и работы Комитета КЛДЖ,... насилие в отношении женщин, включая домашнее насилие, является формой дискриминации женщин. То, что государство не может защитить женщин от домашнего насилия, нарушает их право на равную защиту законом, независимо от того, является ли такое отсутствие защиты намеренным или нет..... В своей [О]бщей рекомендации № 19 (1992) касательно насилия в отношении женщин Комитет КЛДЖ разъяснил, что определение дискриминации женщин в статье 1 Конвенции КЛДЖ включает гендерное насилие, понимаемое как насилие, «направленное против женщины, потому что она является женщиной, или которое непропорциональным образом затрагивает женщин»... Через двадцать пять лет в [О]бщей рекомендации

Комитета № 35 (2017) было подтверждено, что запрет гендерного насилия против женщин как формы дискриминации женщин эволюционировал в принцип обычного международного права» (пункт 110 постановления).

Что касается распределения бремени доказательства в делах о дискриминации, Суд постановил, что «если заявитель продемонстрировал различие в обращении, тогда именно государству-ответчику следует показывать, что это различие в обращении может быть оправдано... В контексте насилия против женщин, если было установлено, что оно воздействует на женщин непропорциональным образом, бремя перекладывается на власти, которые должны продемонстрировать, какого рода меры по исправлению ситуации были задействованы внутригосударственными органами власти для компенсации неудобств, ассоциируемых с гендерной принадлежностью, и обеспечить, чтобы женщины могли осуществлять и в полной мере пользоваться всеми правами человека и свободами на равных с мужчинами. Суд неоднократно постановлял, что продвижение гендерного равенства на сегодня является основной целью государств-членов Совета Европы, и что различие в обращении с целью обеспечения реального гендерного равенства может быть оправдано – и даже требоваться – на основании статьи 14 Конвенции... Реальное гендерное равенство может быть достигнуто только при толковании и применении положений Конвенции с учетом гендерных особенностей, при котором принимаются в расчет фактические проявления неравенства женщин и мужчин, а также то, как данные проявления влияют на жизнь женщин. Статья 14 не запрещает государству-участнику Конвенции иначе обращаться с группами лиц с тем, чтобы сгладить «фактическое неравенство» между ними; в действительности при определенных обстоятельствах неудачная попытка сгладить неравенство посредством различного обращения может сама по себе нарушать данную статью» (пункт 111 постановления).

В делах о домашнем насилии Суд ссылался на доклады международных и [региональных] правозащитных организаций, периодические отчеты Комитета КЛДЖ, а также статистические данные органов власти и академических институтов для установления существования *prima facie* указания на то, что домашнее насилие применяется главным образом против женщин, и что общее отношение местных органов власти – например, то, как с женщинами обращаются в отделениях полиции, когда они сообщают о домашнем насилии, и пассивность судебной системы при предоставлении эффективной защиты потерпевшим – создает атмосферу, благоприятствующую домашнему насилию. Суд пришел к аналогичному выводу в других делах, в которых внутригосударственные органы власти не оценили серьезность и масштаб проблемы домашнего насилия. Он постановил, что их действия выходили за рамки обычной халатности или задержки при рассмотрении дел о насилии в

отношении женщин и были равнозначны повторению действий, оправдывающих такое насилие и отражающих дискриминационный подход к жертвам насилия по признаку их пола (пункт 113 постановления).

Суд отметил: поскольку было продемонстрировано наличие масштабного структурного предвзятого отношения, заявительнице не требуется доказывать, что она также являлась и жертвой отдельного предвзятого отношения. Однако если не имеется достаточных доказательств в подтверждение дискриминационного характера законодательства и практики или их воздействий, для установления дискриминационного иска потребуются доказанное предубеждение со стороны любых должностных лиц, занимающихся делом потерпевшей. В отсутствие такого доказательства тот факт, что были применены не все указанные или рекомендованные санкции и меры, сам по себе не указывает на появление дискриминационного умысла по признаку пола (пункт 114 постановления).

Суд повторил – для того, чтобы статья 14 Конвенции стала применимой, не требуется нарушение одного из реальных прав, гарантированных Конвенцией. Достаточно того, чтобы факты дела попадали «в сферу действия» иного существенного положения Конвенции или Протоколов к таковой (пункт 115 постановления). Касательно требования о том, чтобы заявленное различие в обращении относилось к любому из оснований в статье 14, Суд отметил, что «пол» явным образом упомянут в статье 14 как запрещенное основание для дискриминации. К настоящему делу соответственно применима статья 14 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции (пункт 116 постановления).

На основании доказательств, представленных заявительницей, и информации из национальных и международных источников, Суд пришел к выводу о существовании *prima facie* факторов, указывающих на то, что женщины в России в непропорциональной степени подвержены воздействию домашнего насилия. Женщины составляют подавляющее большинство потерпевших в «преступлениях, совершенных в семье и на бытовой почве» в официальной полицейской статистике; о насилии против женщин во многих случаях не сообщается, и оно не регистрируется, поэтому у женщин гораздо меньше шансов добиться судебного преследования насильников и признания их виновными по причине классификации таких преступлений во внутригосударственном праве (пункт 124 постановления).

В соответствии с обязательством государства-участника Конвенции КЛДЖ осуждать дискриминацию женщин во всех ее формах статья 19 Конституции Российской Федерации устанавливает принцип равноправия в отношении прав и свобод для мужчин и женщин, а также провозглашает их равные возможности по реализации таких прав и свобод. В настоящем деле предполагаемая дискриминация не проистекает из какого-либо законодательства, которое на первый взгляд является дискриминационным, а скорее является результатом фактической ситуации,

при которой насилие применяется непропорционально в отношении женщин. Суд, соответственно, рассмотрел вопрос о том, ввели ли власти в действие политические меры по борьбе с дискриминационным обращением с женщинами и по защите их от домашних издевательств и домашнего насилия (пункт 125 постановления).

Суд отметил: «[д]оговорные органы ООН считали, что продолжающееся отсутствие определения... властями домашнего насилия в законодательстве Российской Федерации является несовместимым с их международными обязательствами. Заключительные замечания Комитета КЛДЖ по Шестому, Седьмому и Восьмому периодическим докладам Российской Федерации содержали настоятельные рекомендации Российской Федерации принять полноценное законодательство для профилактики и решения проблемы домашнего насилия и судебного преследования за такие преступления... Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, а также Комитет против пыток отметили отсутствие определения домашнего насилия в российском законодательстве как представляющее проблемы с точки зрения соблюдения условий их соответствующих международных договоров... Рассматривая индивидуальную жалобу от российской женщины, которая была жертвой домашнего насилия, Комитет КЛДЖ установил, что нежелание властей вносить изменения в законодательство в отношении домашнего насилия лишило ее возможности добиваться осуществления правосудия и нарушило антидискриминационные положения Конвенции КЛДЖ» (пункт 127 постановления).

По мнению Суда, продолжающееся непринятие законодательства по борьбе с домашним насилием и отсутствие каких-либо форм запрещающих или охранных предписаний явно демонстрирует, что действия властей в настоящем деле не являлись обычным неисполнением или задержкой при решении проблемы насилия против заявительницы, а следовали из их нежелания признать серьезность и масштабность проблемы домашнего насилия в Российской Федерации и его дискриминационных последствий для женщин. Допуская в течение многих лет существование атмосферы, благоприятствующей домашнему насилию, власти не смогли создать условия для реального гендерного равенства, которые позволили бы женщинам жить без страха подвергнуться жестокому обращению или нападению, посягающим на их физическую неприкосновенность, и пользоваться в равной мере защитой закона (пункт 132 постановления). Поэтому было допущено нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 3.

*нахождение обвиняемого в ходе судебного заседания
в металлической клетке*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 10597/13 **«Валюженич против Российской Федерации»** (вынесено 26 марта 2019 года, вступило в силу 26 июня 2019 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции ввиду помещения заявителя в ходе судебного разбирательства по его делу в металлическую клетку.

Суд ранее указывал, что содержание лица в металлической клетке в зале суда с учетом объективно унижающего достоинство характера такого действия, который несовместим с присущими демократическому обществу стандартами цивилизованного поведения, само по себе является оскорблением человеческого достоинства и представляет унижающее достоинство обращение в нарушение статьи 3 Конвенции. Выводы Суда касались как заключения заявителей в металлические клетки в залах судебных заседаний во время их личного присутствия на судебных слушаниях..., так и их заключения в металлические клетки в следственных изоляторах с целью их участия в судебном заседании посредством видеосвязи (пункт 25 постановления).

Изучив доводы сторон, Суд не увидел ни одной причины, чтобы отойти от своих выводов, сделанных в вышеупомянутых делах, в этом отношении. Из этого следовало, что заключение заявителя в металлическую клетку в зале заседаний во время разбирательства в суде и в следственном изоляторе с целью участия посредством видеосвязи в судебных разбирательствах по его уголовному делу представляло собой унижающее достоинство обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции. Таким образом, в настоящем деле было допущено нарушение данного положения.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда, которыми также было установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с помещением заявителей в ходе судебного разбирательства по их делам в металлическую клетку, по жалобам:

- № 30155/05 **«Верецагин и другие против Российской Федерации»** и по 2 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 года);

- № 66754/13 и по 10 другим жалобам **«Воронов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2019 года).

право на свободу и личную неприкосновенность

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 41333/14 **«Макарский против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 9 января 2018 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей.

Суд ранее рассматривал вопрос продления срока содержания под стражей в целях изучения материалов дела. Он установил, что при отсутствии явной нормы, предусматривающей многократное продление допустимого срока содержания под стражей, любое продление свыше максимального допустимого срока противоречит принципу защиты от произвола, закрепленного в статье 5 Конвенции (пункт 14 постановления).

Принимая во внимание установившуюся прецедентную практику и признание властями того факта, что срок содержания заявителя под стражей превысил максимальный допустимый срок, Суд установил – в настоящем деле имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 11010/10 **«Киселев против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 22 ноября 2016 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей.

Суд установил, что 22 июля 2009 года заявитель был задержан и переведен в следственный изолятор. 30 июля 2009 года заявитель был допрошен и получил копию обвинительного заключения. Он также подал апелляционную жалобу на постановление о заключении его под стражу от 2 марта 2009 года

1 сентября 2009 года суд рассмотрел апелляционную жалобу и отменил постановление о заключении под стражу, указав, что несоблюдение правовой процедуры включения имени заявителя в список лиц, скрывающихся от правосудия, составляет «существенное нарушение» норм уголовного судопроизводства. Суд назначил повторное рассмотрение дела о заключении под стражу, но не уточнил, должен ли заявитель оставаться в заключении. В результате заявитель не был выпущен на свободу. 8 сентября 2009 года районный суд отклонил ходатайство следователя о заключении заявителя под стражу. Суд постановил, что, во-первых, тяжесть обвинения не являлась достаточной причиной для заключения заявителя под стражу и, во-вторых, что процедура включения его имени в список лиц, скрывающихся от правосудия, не была соблюдена. Заявитель был

освобожден в зале суда.

Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей в период с 1 по 18 сентября 2009 года.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобам, по результатам рассмотрения которых установлено нарушение в отношении отдельных заявителей пункта 3 статьи 5 Конвенции *ввиду чрезмерной длительности срока их предварительного заключения*:

№ 30155/05 **«Верецагин и другие против Российской Федерации»** и по 2 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 года);

№ 66754/13 и по 10 другим жалобам **«Воронов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2019 года);

№ 5855/09 и по 9 другим жалобам **«Пузрина и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года);

№ 63038/10 **«Родькин против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 10 января 2017 года);

№ 50932/16 и по 3 другим жалобам **«Стучилов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года).

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобам, по результатам рассмотрения которых установлено нарушение в отношении отдельных заявителей пункта 4 статьи 5 Конвенции *ввиду чрезмерной длительности срока рассмотрения жалоб на судебные решения о заключении заявителей под стражу и/или о продлении срока содержания их под стражей*:

№ 66754/13 и по 10 другим жалобам **«Воронов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2019 года);

№ 5855/09 и по 9 другим жалобам **«Пузрина и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 года).

право на справедливое судебное разбирательство (право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и право допрашивать свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, выступающих против него)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Большой Палаты Европейского Суда по жалобе 36658/05 **«Муртазалиева против Российской Федерации»** (вынесено и

вступило в силу 18 декабря 2018 года), которым объявлена неприемлемой жалоба *Муртазалиевой З.Х.* на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием одного свидетеля на судебном процессе по ее уголовному делу (отмечено, что заявитель отказалась от своего права на его допрос). Кроме того, отклонена жалоба *Муртазалиевой З.Х.* на нарушение пункта 1 и подпункта «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с якобы имевшим место отсутствием у заявителя в ходе судебного процесса возможности внимательно посмотреть видеозапись тайного наблюдения за ней (отмечено, что «заявитель эффективно участвовала в просмотре видеозаписи способом, позволяющим удовлетворить ее процессуальные потребности») и на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с отказом в вызове и допросе двух других свидетелей (отмечено, что их показания не могли повлиять на исход рассмотрения дела).

Ссылаясь на пункт 1 и подпункт «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции, заявитель жаловалась на то, что общая справедливость уголовного судопроизводства в ее отношении была подорвана, так как она не смогла надлежащим образом увидеть видеозапись тайного наблюдения, показанную в зале суда.

Поскольку требования пункта 3 статьи 6 Конвенции должны рассматриваться в качестве отдельных аспектов права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6, Суд рассмотрел жалобу с точки зрения двух данных положений, взятых в совокупности (пункт 90 постановления).

Суд напомнил: «статья 6, взятая в целом, гарантирует право подсудимого на эффективное участие в уголовном судопроизводстве, которое в том числе включает его право не только присутствовать на слушании, но также слышать и следить за судебным процессом... В случае уголовного процесса право на состязательное судопроизводство означает, что обвинению и защите должна быть предоставлена возможность знать о представленных другой стороной замечаниях и доказательствах и комментировать их. Существуют различные способы, которыми внутригосударственное законодательство может удовлетворить это требование. Однако какой бы метод не был выбран, следует обеспечить, что другая сторона будет проинформирована о [поданных] замечаниях[x], и что она будет иметь реальную возможность прокомментировать их... Средства, которые должны быть доступны каждому обвиняемому в совершении преступления, включают возможность ознакомиться, с целью подготовки к защите, с результатами расследований, проводимых в течение всего разбирательства» (пункт 91 постановления).

Суд отметил следующее – на слушании была просмотрена всего одна видеозапись наблюдения. Она была воспроизведена по ходатайству защиты о

просмотре именно этой конкретной записи с целью проверки точности расшифровки. Защита не ходатайствовала о просмотре других видеозаписей, и стороны не оспаривают, что они могли быть рассмотрены в суде, если одна из сторон подала бы ходатайство об этом. Кроме того, расшифровка разговоров на этих записях была приобщена к материалам уголовного дела и была доступна для изучения (пункт 93 постановления).

Что касается предполагаемых технических трудностей при просмотре видеозаписи, упомянутой в ее апелляционной жалобе, то заявитель не объяснила ни внутригосударственным судам, ни Европейскому Суду, в чем заключались эти трудности. Кроме того, в протоколе судебного заседания и в других документах, содержащихся в материалах дела, не имелось никаких указаний на какие-либо жалобы заявителя на качество звуковой дорожки на видеозаписи. Указанное заявителем непредставление властями планов зала суда и организации просмотра видеозаписей само по себе не может служить основанием для каких-либо «выводов» о несправедливости судебного разбирательства (пункт 94 постановления).

Суд пришел к выводу: заявитель смогла принять эффективное участие в просмотре видеозаписи способом, позволяющим удовлетворить ее процессуальные потребности, а именно – проверить точность расшифровки, сравнив ее со звуковой дорожкой видеозаписи. Следовательно, в настоящем деле не было допущено нарушения пункта 1 и подпункта «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Ссылаясь на пункт 1 и подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, заявитель жаловалась на то, что общая справедливость уголовного судопроизводства в ее отношении была подорвана, поскольку она не смогла вызвать и допросить свидетеля А. в зале суда.

Было напомнено: «согласно пункту 4 статьи 35 Конвенции (*in fine*) Суд может «отклонить любую жалобу, которую сочтет неприемлемой... на любом этапе судебных разбирательств». Таким образом, даже на стадии рассмотрения дела по существу, в соответствии с правилом 55 Регламента Суда Большая Палата может пересмотреть решение об объявлении жалобы приемлемой, если она приходит к выводу о том, что жалоба должна была быть признана неприемлемой по одной из причин, указанных в первых трех пунктах статьи 35 Конвенции» (пункт 115 постановления).

В своих доводах для Большой Палаты власти утверждали: заявитель и ее адвокат явно и недвусмысленно отказались от права на вызов и допрос свидетеля А., согласившись на зачитывание в суде его показаний, данных на досудебном этапе (пункт 116 постановления).

Ни буква, ни дух статьи 6 Конвенции не препятствуют лицу в добровольном отказе, прямом или подразумеваемом, от права на гарантии справедливого судебного разбирательства. Однако чтобы отвечать целям Конвенции, такой отказ должен быть выражен в недвусмысленной форме и

сопровождаться минимальными гарантиями, соизмеримыми со значением отказа. Отказ не обязательно должен быть явным. При этом он должен быть добровольным и представлять собой осмысленный отказ от права. До того момента, когда можно будет сказать, что подсудимый своим поведением подразумевал отказ от важного права согласно статье 6, должно быть продемонстрировано, что он мог предвидеть последствия своего поведения. Более того, отказ не должен противоречить каким-либо важным общественным интересам (пункт 117 постановления). Из этого следует, что отказ от права на допрос свидетеля, которое является одним из основных прав, перечисленных в пункте 3 статьи 6 Конвенции, который составляет понятие справедливого судебного разбирательства, должен строго соответствовать вышеуказанным требованиям (пункт 118 постановления).

Суд отметил следующее – заявитель, которой помогли ее защитники, согласилась с тем, чтобы показания свидетеля А. были зачитаны на слушании, проведенном 13 января 2005 года. Примечательно, заявитель не оспаривала точность соответствующих протоколов судебных заседаний и не утверждала, что она не пользовалась соответствующими юридическими консультациями по этому вопросу (пункт 119 постановления).

Суд должен был определить, отказалась ли заявитель в обстоятельствах настоящего дела от своего права на допрос свидетеля А. Прежде всего, он отметил, что в имеющихся материалах ничто не предполагало, что ее действия не были добровольными или противоречили какому-либо важному общественному интересу.

Принимая во внимание протоколы судебных заседаний, следовало отметить, что сторона защиты однозначно согласилась с зачитыванием показаний, данных А. до суда. В последний день изучения доказательств адвокат С. попросил суд вызвать свидетеля А. Затем председательствующий судья сообщил сторонам о том, что этот свидетель недоступен, после чего прокурор попросил зачитать досудебные показания свидетеля А. Адвокат У. не возражал против зачитывания показаний, и адвокат С. прямо согласился на это (пункт 122 постановления). Впоследствии председательствующий судья до завершения изучения доказательств спросил, готовы ли стороны завершить изложение доводов в отсутствие тех свидетелей, которые не явились в суд. Заявитель не выдвинула никаких возражений и не ходатайствовала повторно о допросе свидетеля А. в суде (пункт 123 постановления).

Однако российское уголовно-процессуальное законодательство предоставило заявителю возможность возразить против зачитывания этих показаний, даже не ссылаясь на какие-либо причины. Если бы она сделала это и настаивала на вызове А., то суд первой инстанции мог бы зачитать досудебные показания А. только при определенных обстоятельствах, предусмотренных частью 2 статьи 281 УПК РФ. Если бы эти требования не были удовлетворены, то можно было отложить слушание и повторно вызвать

свидетеля А. (пункт 124 постановления).

В суде первой инстанции интересы заявителя представляли два профессиональных адвоката, которых она выбрала сама. Ничто не говорит о том, что они не знали о последствиях своего согласия зачитать показания А., а именно о том, что они утратят возможность заслушать свидетеля в суде первой инстанции и его показания будут приняты во внимание судом при принятии решения по обвинению против заявителя.

Кроме того, ничто в применимом законодательстве или в судебной практике не мешало стороне защиты подать последующие ходатайства о допросе А. в ходе рассмотрения дела в порядке апелляции. Тем не менее заявитель, которой снова помогали два адвоката, не воспользовалась этой возможностью. Необходимо также учитывать тот факт, что ни на одном этапе разбирательств во внутригосударственных судах или в Европейском Суде заявитель не утверждала, что адвокаты оказали ей услуги ненадлежащего качества (пункт 126 постановления).

По мнению Суда, приведенных выше соображений достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что «заявитель, согласившись на оглашение досудебных показаний свидетеля А. и не настаивая на своем ходатайстве о его вызове в суд, отказалась от своего права на допрос этого конкретного свидетеля... Этот отказ сопровождался минимальными гарантиями, соразмерными с его важностью. В связи с этим Суд нап[ом]нил: заявителю помогали два адвоката, и председательствующий судья прямо спросил ее, готова ли она завершить представление своих доводов в отсутствие свидетеля, против чего она не возражала. Он также отме[тил] следующее – заявитель имела возможность прокомментировать показания А., но не выдвинула каких-либо существенных возражений против их содержания.... Кроме того, Суд не [посчитал], что дело затрагивало какие-либо вопросы, представляющие общественный интерес и препятствующие отказу от конкретных процессуальных гарантий... [Отсутствовали] основания[я] сомневаться в том, что отказ заявителя представлял собой осознанный отказ от права и что она могла с помощью двух своих адвокатов предвидеть последствия своего поведения» (пункт 127 постановления).

Следовательно, Суд поддержал предварительное возражение властей и отклонил жалобу заявителя на отсутствие свидетеля А. на слушании ее дела как явно необоснованную в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции.

Ссылаясь на пункт 1 и подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, заявитель жаловалась на то, что общая справедливость уголовного судопроизводства в ее отношении была подорвана, поскольку она не смогла вызвать и допросить двух понятых Б. и К. в зале суда.

Суд отметил, что «российское уголовно-процессуальное законодательство содержит отдельные положения о свидетелях и понятых и

в нем используются разные термины для проведения различия между ними. Следователь приглашает понятых в качестве нейтральных наблюдателей следственного мероприятия. Они не считаются свидетелями стороны обвинения или стороны защиты, поскольку, в отличие от свидетелей, они ничего не знают о деле и не дают показаний об обстоятельствах дела, о вине или невиновности подсудимого. Отсутствие понятых в уголовном процессе не нарушает гарантии пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, поскольку их показания ограничены способом проведения следственных действий и, по сути, являются доказательствами, не имеющими отношения к делу» (пункт 136 постановления).

По мнению Суда, в настоящем деле именно сторона защиты намеревалась опираться на показания понятых Б. и К. в подтверждение своих утверждений о том, что взрывчатка была подброшена в сумочку заявителя до проведения ее личного досмотра. С этой точки зрения показания Б. и К. выходили бы за рамки простого обыска, а затем информация была занесена в милицейские протоколы. Следовательно, Б. и К. должны рассматриваться как «свидетели со стороны» заявителя в значении подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции (пункт 138 постановления).

Общие принципы, установленные в прецедентной практике в отношении допроса свидетелей защиты

Суд напомнил, что «в соответствии со статьей 6 Конвенции приемлемость доказательств в первую очередь оценивается внутригосударственным судом, и задача Суда заключается не в вынесении решения по поводу того, были ли показания свидетелей должным образом признаны в качестве доказательств, а в определении, было ли судебное разбирательство справедливым в целом, включая способ сбора доказательств... Подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции не требует присутствия и допроса каждого свидетеля со стороны обвиняемого; цель данного положения, как указывают слова «на тех же условиях», заключается в обеспечении полного «равноправия сторон по делу»» (пункт 139 постановления).

Обратившись к постановлению по делу «Перна против Италии», Суд вкратце изложил принципы, применяемые к вызову и допросу свидетелей защиты. Во-первых, как правило, именно внутригосударственные суды должны в первую очередь оценивать представленные им доказательства, а также определять относимость к делу представленных подсудимыми доказательств, и, опять же, как правило, подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции оставляет вопрос о целесообразности вызова конкретных свидетелей на их усмотрение. Во-вторых, жалоба подсудимого на то, что у него не было возможности допросить определенных свидетелей является недостаточной; он также должен обосновать свое ходатайство, объяснив,

почему важно заслушать соответствующих свидетелей, и почему их показания являются необходимыми для установления истины (пункт 140 постановления).

По мнению Суда, тест, сформулированный в деле «*Перна против Италии*», по сути, состоит из двух вопросов: во-первых, обосновал ли заявитель свое ходатайство о вызове конкретного свидетеля, ссылаясь на важность показаний этого лица для «установления истины», и, во-вторых, подорвал ли отказ внутригосударственных судов вызвать этого свидетеля общую справедливость разбирательства (пункт 141 постановления).

Суд неоднократно разъяснял – когда показания свидетеля защиты способны обоснованно установить алиби обвиняемого, такой свидетель считается значимым *prima facie*. Напротив, в деле, в котором было необходимо допросить свидетеля защиты для определения вопроса, выходящего за рамки обвинения, или его показания не смогли доказать невиновность обвиняемого, отсутствие свидетеля не поставило справедливость уголовного судопроизводства под угрозу. Суд также подчеркнул: внутригосударственный суд не обязан отвечать на явно обременительные ходатайства о вызове свидетелей защиты (пункт 143 постановления). При этом заявитель удовлетворяет требованиям подпункта «d» пункта 3 статьи 6, если он подает ходатайство, которое является достаточно обоснованным, относящимся к предмету обвинения и может подкрепить позицию стороны защиты или привести к оправданию подсудимого. Заявители должны с достаточной ясностью объяснить внутригосударственным судам, почему необходимо допросить конкретного свидетеля (пункт 144 постановления).

Суд отметил следующее – значимость показаний свидетеля защиты необходимо сопоставить с его способностью повлиять на исход судебного разбирательства. Например, вызов свидетеля, который, как утверждается, мог бы подтвердить утверждение подсудимого о том, что он подвергся жестокому обращению с целью получения признания в совершении преступления, может быть необязательным, если оспариваемое признание не сыграло решающей роли в установлении вины заявителя. Если национальные власти сами признают важность показаний свидетеля защиты для дела, например, со ссылкой на его показания в обвинительном заключении и неоднократно удовлетворяя ходатайства о вызове этого свидетеля, то если в ходе дальнейшего разбирательства этот свидетель не вызывается, защита не обязана представлять внутригосударственным судам более подробные причины для его допроса (пункт 145 постановления).

Суд обратил внимание: если сторона защиты требует допроса свидетеля, который может подкрепить позицию стороны защиты или показания которого могут даже привести к оправданию, то внутригосударственные органы власти должны привести соответствующие причины для отклонения такого ходатайства. В этом контексте ссылки судов

на другие факты по делу, которые указывают, почему свидетель не может предоставить новую или важную информацию, могут быть достаточными (пункт 146 постановления).

Суд отметил: «решение о вызове свидетеля защиты в определенный момент в ходе расследования или судебного разбирательства и последующее отсутствие этого свидетеля на суде является значительным, но само по себе не играет решающей роли... Однако, если внутригосударственные суды признали, по крайней мере, в принципе, что допрос свидетеля защиты важен для дела, то они обязаны принять «эффективные» меры для обеспечения присутствия свидетеля на слушании, как минимум, путем направления повестки..., либо путем приказа правоохранительным органам обеспечить принудительную явку свидетеля» (пункт 147 постановления).

«Только в исключительных обстоятельствах Суд может прийти к выводу о том, что отсутствие заслушивания свидетеля несовместимо со статьей 6 Конвенции... Отклонение ходатайства без объяснения причин или «молчание» внутригосударственных судов в отношении достаточно аргументированного и уместного ходатайства о вызове свидетеля защиты не обязательно приводит к установлению нарушения статьи 6... Поскольку общая справедливость разбирательства является главным критерием по статье 6, заявитель должен продемонстрировать не только то, что конкретный свидетель защиты не был допрошен, но также и то, что допрос этого свидетеля был необходим, и что отказ от вызова свидетеля нанес ущерб правам стороны защиты» (пункт 148 постановления).

Суд напомнил – в его обязанности «не входит рассмотрение ошибок факта или права, предположительно допущенных внутригосударственными судами, если только они не привели к нарушению прав и свобод, охраняемых Конвенцией... При определении справедливости судебного разбирательства Суд не выступает в качестве суда четвертой инстанции, который принимает решение о том, были ли доказательства получены незаконно (с точки зрения внутригосударственного законодательства), оценивает его приемлемость или устанавливает вину заявителя... В соответствии с принципом субсидиарности эти вопросы относятся к компетенции внутригосударственных судов. Суд не должен выносить решение о том, были ли имеющиеся доказательства достаточными для осуждения заявителя, и, следовательно, не должен подменять оценку фактов и доказательств внутригосударственных судов своей собственной оценкой. Единственная задача Суда заключается в том, чтобы определить, было ли разбирательство справедливым и соответствовало ли оно требованиям Конвенции, принимая во внимание конкретные обстоятельства, характер и сложность дела» (пункт 149 постановления)⁹.

⁹ «В Большой Палате заявитель настоятельно просила Суд пересмотреть существующий стандарт, выработанный в деле *«Перна против Италии»*, поскольку, по ее мнению, существующие принципы носили «механический» характер применения, не содержали

Внимательно изучив практику других международных трибуналов, упомянутых в доводах, Суд не усмотрел каких-либо элементов, способных поддержать утверждение заявителя. Напротив, прецедентная практика Апелляционной палаты МТБЮ¹⁰ и Межамериканского Суда по правам человека демонстрирует, что общие принципы, применяемые этими трибуналами для оценки общей справедливости уголовного судопроизводства, сопоставимы, если не идентичны, принципам, разработанным Европейским Судом. Суд также отметил, что вышеупомянутые международные трибуналы широко использовали прецедентную практику Европейского Суда при формулировании своих собственных принципов (пункт 151 постановления).

При этом в настоящем деле Суд посчитал уместным разъяснить общие принципы допроса свидетелей защиты, сформулированные в его прецедентной практике в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Анализ прецедентной практики показал, что, «несмотря на то, что, в целом, следуя вышеизложенному подходу¹¹, Европейский Суд также последовательно изучал, каким образом внутригосударственные суды принимают решение о вызове определенного свидетеля. Поведение и принятие решений внутригосударственными судами привлекли отдельное внимание и были весомыми факторами в анализе Суда в подавляющем большинстве дел, как до, так и после дела *«Перна против Италии»*... Тщательное рассмотрение Судом аргументации внутригосударственных судов соответствует установленным принципам, согласно которым, во-первых, эти суды имеют больше возможностей для оценки относимости и допустимости доказательств и, во-вторых, только в исключительных

материально-правовых критериев и возлагали на сторону защиты чрезмерно тяжкое бремя. Она утверждала, что правила международного права, касающиеся допроса свидетелей, выходят далеко за рамки стандарта, выработанного в деле *«Перна против Италии»* в том, что бремя стороны защиты по доказыванию необходимости вызова определенного свидетеля для допроса значительно уменьшилось, а бремя суда первой инстанции по проверке причин неявки и последствий такой неявки для общей справедливости судебного разбирательства, увеличилось. Заявитель, в частности, ссылаясь на практику Апелляционной палаты МТБЮ [Международный трибунал по бывшей Югославии] и Межамериканского Суда по правам человека» (пункт 150 постановления).

¹⁰ Международный трибунал по бывшей Югославии.

¹¹ Как было отмечено выше, «[п]рименимый критерий, сформулированный в деле *«Перна против Италии»*, состоит из двух вопросов: во-первых, обосновал ли заявитель свое ходатайство о вызове конкретного свидетеля, ссылаясь на важность показаний этого лица для «установления истины», и, во-вторых, подорвал ли отказ внутригосударственных судов вызвать этого свидетеля общую справедливость разбирательства» (пункт 153 постановления).

обстоятельствах Суд может прийти к выводу о том, что непроведение допроса отдельного лица в качестве свидетеля несовместимо с требованиями статьи 6 Конвенции» (пункт 154 постановления).

Поэтому, по мнению Суда, вопрос о том, рассмотрели ли внутригосударственные суды относимость показаний этого лица, и привели ли они достаточные основания для своего решения об отказе в допросе свидетеля на суде, должен быть признан независимым и неотъемлемым компонентом критерия в соответствии с подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции (пункт 155 постановления).

Как следовало из материалов дела, судебная оценка относимости свидетельских показаний и аргументации внутригосударственных судов в их ответе на ходатайство стороны защиты о допросе свидетеля обеспечивают логическую связь между двумя элементами критерия, выработанного в деле *«Перна против Италии»*, и действуют как косвенный элемент этого критерия. В интересах ясности и последовательности практики Суд считает уместным прояснить этот элемент (пункт 156 постановления).

Как подчеркнул Суд, такие рассуждения соответствуют недавней практике по статье 6 Конвенции, в которой подчеркивается решающее значение обязанности внутригосударственных судов тщательно изучать соответствующие вопросы, если сторона защиты делает достаточно аргументированные заявления. Например, в постановлении Большой Палаты по делу *«Дворский против Хорватии»* (*Dvorski v. Croatia*) Суд утверждал, что, если во внутригосударственные органы власти поступает возражение, которое может повлиять на общую справедливость судебного разбирательства, они должны тщательно изучить вопросы, принять меры для установления соответствующих обстоятельств и аргументировать свои решения. Аналогичным образом, в делах, в которых фигурировал агент-provokator, Суд указывал, что, «при поступлении правдоподобных и даже спорных заявлений» о провокации, суды «должны оценить результаты контрольных закупок с точки зрения их приемлемости в качестве доказательств и, в частности, проверить, в какой степени присутствовал элемент подстрекательства (пункт 157 постановления).

Резюмируя Суд отметил, что «[е]сли ходатайство о допросе свидетеля со стороны подсудимого было подано в соответствии с внутригосударственным законодательством, то Суд, учитывая вышеизложенные соображения, формулирует следующий критерий, состоящий из трех вопросов:

1. Являлось ли ходатайство о допросе свидетеля достаточно обоснованным и имело ли оно отношение к предмету обвинения?

2. Рассмотрели ли внутригосударственные суды относимость этих показаний к делу, и привели ли они достаточные основания для своего решения об отказе в допросе свидетеля в суде?

3. Подрывало ли решение внутригосударственных судов об отказе в допросе свидетеля общую справедливость разбирательства?» (пункт 158 постановления).

Суд посчитал, что существующая прецедентная практика обеспечивает прочную основу для применения всех трех вопросов критерия, но считает целесообразным дать следующие рекомендации для рассмотрения дел в будущем.

Являлось ли ходатайство о допросе свидетеля достаточно обоснованным и имело ли оно отношение к предмету обвинения?

Что касается первого элемента, то Суд отметил, что «в рамках критерия, выработанного в деле *«Перна против Италии»*, вопрос о том, обосновал ли обвиняемый свое ходатайство о вызове свидетеля, решается со ссылкой на важность показаний этого лица для «установления истины». В то время как в некоторых делах, рассмотренных после дела *«Перна против Италии»*, Суд рассматривал вопрос о том, были ли свидетельские показания значимыми для «установления истины», в других делах он рассматривал способность этих показаний повлиять на исход судебного разбирательства..., подтвердить алиби подсудимого..., привести к возможному оправданию... или, возможно, укрепить позицию стороны защиты или даже привести к оправданию заявителя... По-видимому, все вышеперечисленные стандарты объединяет относимость свидетельских показаний к предмету обвинения и их способность повлиять на исход разбирательства. В свете развития прецедентной практики Суда по статье 6 Конвенции Суд [посчитал] необходимым прояснить этот стандарт, включив в сферу его применения не только ходатайства стороны защиты о вызове свидетелей, способных повлиять на исход судебного разбирательства, но и также других свидетелей, которые, как можно разумно ожидать, укрепят позицию защиты» (пункт 160 постановления).

Таким образом, по мнению Суда, относимость показаний также является определяющей для оценки того, привел ли заявитель «достаточные основания» для своего ходатайства о вызове свидетеля, поскольку сила аргументации, которая считается «достаточной», зависит от роли этих показаний в обстоятельствах конкретного дела. Дать абстрактную оценку тому, могут ли определенные основания для допроса свидетеля считаться достаточными и относящимися к предмету обвинения, невозможно. Эта оценка обязательно предусматривает рассмотрение обстоятельств конкретного дела, в том числе — применимых положений внутригосударственного законодательства, стадии и хода разбирательства, рассуждений и стратегий сторон и их поведения во время разбирательства. Следует признать, что в некоторых делах относимость показаний свидетеля защиты может быть настолько очевидной, что даже недостаточная

аргументация со стороны защиты будет достаточной для того, чтобы ответить на первый вопрос критерия утвердительно (пункт 161 постановления).

Рассмотрели ли внутригосударственные суды относимость этих показаний к делу, и привели ли они достаточные основания для своего решения об отказе в допросе свидетеля в суде?

Второй элемент критерия требует, чтобы внутригосударственные суды оценили относимость к делу запрошенных защитой показаний, и обязали их привести достаточные основания для своих решений. Эти требования прочно установлены в прецедентной практике Суда.

Суд напомнил, что, «с одной стороны, согласно статье 6 Конвенции приемлемость доказательств в первую очередь должна регулироваться внутригосударственным законодательством, и внутригосударственные суды имеют больше возможностей для принятия решения по этому вопросу, а с другой стороны, подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции не требует присутствия и допроса каждого свидетеля со стороны подсудимого, но направлен на обеспечение равенства сторон по делу. В этих рамках внутригосударственные суды должны в первую очередь тщательно изучить соответствующие вопросы, если защита подает достаточно аргументированное ходатайство о допросе определенного свидетеля» (пункт 163 постановления).

Любая такая оценка обязательно предусматривает рассмотрение обстоятельств конкретного дела, и аргументация судов должна быть соразмерной (т.е. адекватной с точки зрения объема и подробностей) причинам, приведенным стороной защиты.

Поскольку Конвенция не требует явки и допроса каждого свидетеля со стороны подсудимого, от судов нельзя ожидать, что они дадут подробный ответ на каждое ходатайство стороны защиты, но при этом они должны привести адекватные причины (пункт 165 постановления).

В целом, по мнению Суда, относимость к делу показаний и достаточность приведенных стороной защиты причин будут определять объем и подробность оценки внутригосударственными судами необходимости обеспечения явки и допроса свидетелей. Таким образом, чем сильнее и весомее аргументы, выдвигаемые защитой, тем тщательнее должна быть проверка и тем более убедительными должны быть аргументы внутригосударственных судов при отклонении ходатайства стороны защиты о допросе свидетеля (пункт 166 постановления).

Подрывало ли решение внутригосударственных судов об отказе в допросе свидетеля общую справедливость разбирательства?

Суд посчитал, что «оценка влияния, которое решение об отказе в допросе свидетеля защиты в ходе судебного разбирательства оказывает на общую справедливость разбирательства, является обязательным в каждом деле... Выполнение требований справедливого судебного разбирательства должно определяться в каждом деле с учетом хода разбирательства в целом, а не на основании рассмотрения одного отдельного аспекта или инцидента» (пункт 167 постановления).

По мнению Суда, обеспечение общей справедливости в качестве окончательного критерия для оценки разбирательства гарантирует, что вышеупомянутый трехкомпонентный критерий не станет чрезмерно строгим или механическим в его применении. Хотя выводы по первым двум компонентам этого критерия, как правило, являются весомыми показателями справедливости судебного разбирательства, нельзя исключать, что в некоторых и, по общему признанию, исключительных случаях соображения справедливости могут привести к противоположным выводам (пункт 168 постановления).

Применение этих принципов к настоящему делу

Являлось ли ходатайство о допросе свидетелей Б. и К. достаточно обоснованным и имело ли оно отношение к предмету обвинения?

Суд обратил внимание на то, что, как следовало из протоколов судебных заседаний, адвокаты заявителя просили суд вызвать Б. и К., чтобы установить точные обстоятельства досмотра с целью определения того, была ли взрывчатка подброшена заявителю. Заявитель, в свою очередь, утверждала, что она «не настаивала» на их присутствии, поскольку, по ее мнению, взрывчатка была подброшена сотрудниками милиции еще до того, как ее обыскали. Однако она поддержала ходатайство, поскольку ее адвокаты сочли присутствие Б. и К. необходимым (пункт 169 постановления).

По мнению Суда, важным являлось то, что в ходе судебного разбирательства именно сторона обвинения допрашивала сотрудников милиции, которые участвовали в задержании заявителя, ее личном досмотре и снятии отпечатков пальцев. Все сотрудники милиции дали показания о том, что все время до досмотра заявитель держала сумочку при себе, и что после досмотра у нее были сняты отпечатки пальцев всего один раз. В свою очередь, сторона защиты в целом бездействовала в ходе перекрестного допроса этих свидетелей и задавала им всего два вопроса, направленные на дальнейшее прояснение подробностей вышеупомянутых событий (пункт 170 постановления).

Суд отметил следующее – сторона защиты лишь вкратце указала на относимость потенциальных показаний Б. и К. Однако она не привела каких-либо конкретных фактических или юридических аргументов и не конкретизировала, почему можно обоснованно ожидать, что их показания подтвердят позицию стороны защиты. Сторона защиты не привела такого уточнения и в своей апелляции. Учитывая, что заявитель сама утверждала, что взрывчатка была подброшена до прибытия понятых, для допроса этих свидетелей потребовались бы дополнительные основания (пункт 171 постановления).

Рассмотрели ли внутригосударственные суды относимость каких-либо показаний Б. и К. к делу и привели ли они достаточные основания для своего решения об отказе в их допросе в суде?

Суд подчеркнул, что в протоколах судебного заседания не указывались основания, приведенные судом первой инстанции для отклонения ходатайства стороны защиты о вызове свидетелей. Тем не менее Верховный Суд Российской Федерации, выступая в качестве суда вышестоящей инстанции, обладающего компетенцией рассматривать как фактические, так и правовые вопросы, пришел к выводу о том, что личное присутствие Б. и К. не являлось необходимым, поскольку сама заявитель утверждала, что взрывчатка была подброшена в ее сумочку до проведения личного досмотра. Он также отметил, что сторона защиты согласилась перейти к представлению заключительных доводов и не выдвинула никаких возражений и не подала никаких дополнительных ходатайств о заслушивании показаний (пункт 172 постановления).

По мнению Суда, хотя внутригосударственные суды не отклонили ходатайство заявителя как необоснованное, очевидно, что значимость возможных показаний понятых, как утверждала сторона защита, и с точки зрения суда первой инстанции, имела лишь отдаленное отношение к предмету обвинения (пункт 173 постановления).

Принимая во внимание общую пассивность стороны защиты во время допроса сотрудников милиции относительно событий, связанных с предполагаемым подбрасыванием взрывчатых веществ, и отсутствие каких-либо конкретных юридических или фактических аргументов в отношении необходимости допроса понятых, Суд пришел к выводу о том, что Верховный Суд Российской Федерации привел достаточные основания для принятия решения об отказе в их допросе в суде. Приведенные основания были уместными в обстоятельствах данного дела и были соразмерными основаниям, приведенным стороной защиты, а именно – адекватными с точки зрения их объема и степени подробности (пункт 174 постановления).

**Подрывало ли решение внутригосударственных судов об отказе
в допросе Б. и К. общую справедливость разбирательства?**

Суд указал, что заявитель, при содействии двух профессиональных адвокатов, могла эффективно защищать себя, вызывать и допрашивать свидетелей, свидетельствующих против нее, беспрепятственно комментировать доказательства ее вины, приводить доказательства, которые она считала значимыми, и излагать свою версию событий во внутригосударственных судах. Ее осуждение за подготовку террористического акта и подстрекательство других к совершению этого акта было основано на значительном количестве доказательств против нее, включая показания нескольких свидетелей обвинения, материалы (экстремистская записка и фотографии), изъятые из квартиры заявителя, заключения судебно-медицинской экспертизы и расшифровку видеозаписей наблюдения, установленного милицией (пункт 174 постановления).

Принимая во внимание эти соображения, Суд резюмировал, что решение внутригосударственных судов не допрашивать Б. и К. в суде не подорвало общую справедливость разбирательства. Поэтому Европейский Суд посчитал, что в настоящем деле не было допущено нарушения прав заявителя, предусмотренных пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении свидетелей Б. и К.

*право на справедливое судебное разбирательство
(право на беспристрастный суд)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 78168/13 **«Ванеев против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 27 августа 2019 года), которым установлено нарушение статьи 6 Конвенции в связи с нарушением принципа беспристрастности при рассмотрении уголовного дела в отношении В., потерпевшим по которому являлся супруг судьи того же суда, а также ввиду неустранения данного недостатка при рассмотрении дела в апелляционном порядке.

В указанном деле заявитель полагал, что судья первой инстанции не был беспристрастным ввиду того факта, что супруга Ш., получившего травмы в результате его неосторожного вождения автомобиля, работала судьей в том же районном суде.

Изначально Суд отметил, что судья первой инстанции не проявлял какой-либо личной предвзятости в отношении заявителя. Поэтому Суд рассмотрел дело с точки зрения объективной беспристрастности и более

конкретно исследовал вопрос о том, могут ли сомнения заявителя, вытекающие из этой конкретной ситуации, считаться объективно обоснованными в обстоятельствах указанного дела (пункт 17 постановления).

Суд придал особое значение характеру уголовного дела в отношении заявителя. Он предстал перед судом за причинение серьезного вреда здоровью супругу судьи Ш. в результате дорожно-транспортного происшествия. При таких обстоятельствах Суд посчитал, что тот факт, что супруга потерпевшего являлась коллегой судьи первой инстанции, мог поставить его беспристрастность под сомнение (пункт 18 постановления).

Он также отметил, что сомнения заявителя относительно беспристрастности судьи первой инстанции не были рассеяны этим судьей. Он не ответил на опасения заявителя по поводу отсутствия беспристрастности с его стороны. В его заявлении содержался простой комментарий о том, что он не являлся знакомым или родственником потерпевшего (пункт 19 постановления).

Что касается довода властей о том, что заявитель отозвал свой отвод судье К. и согласился с тем, чтобы тот рассматривал его дело, Суд подчеркнул, что «именно судья К. принимал решение в отношении заявленного ему отвода. В этой связи он повтор[ил], что процедура, в рамках которой судьи не рассматривают фактически, а лишь создают видимость рассмотрения заявленных им отводов, несовместима с требованием беспристрастности... и считает, что решение заявителя отозвать отвод не имеет отношения к данному вопросу. Также не имеет значения, что заявитель заключил определенного вида сделку о признании вины» (пункт 20 постановления).

Суд обратил внимание на то, что апелляционное производство не устранило недостатки судебного разбирательства в суде первой инстанции. Апелляционный суд не провел независимый анализ озабоченности заявителя по поводу отсутствия беспристрастности у судьи первой инстанции. Вместо того чтобы развеять сомнения заявителя в этом отношении, суд апелляционной инстанции просто повторил заявление судьи первой инстанции о том, что тот не является знакомым или родственником потерпевшего (пункт 21 постановления).

Суд пришел к выводу – сомнения заявителя относительно беспристрастности судьи К. были объективно обоснованы.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 39234/08 *«Филюткин против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 июля 2018 года), которым также установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции ввиду нарушения принципа беспристрастности при

рассмотрении уголовного дела в отношении заявителя. Заявитель жаловался на небеспристрастность судьи Д.

Суд напомнил: «беспристрастность определяется обычно отсутствием предубеждения или предвзятости и может оцениваться различными способами. В соответствии с его постоянной практикой, в целях пункта 1 статьи 6 [Конвенции] беспристрастность должна оцениваться в соответствии с субъективным подходом, с учетом личного убеждения и поведения судьи, то есть – путем установления, доказывает ли оно предвзятость или личное предубеждение в указанном случае, а также в соответствии с объективным подходом, состоящим в определении того, предоставляет ли суд, в частности, посредством состава, достаточные гарантии для исключения любого правомерного сомнения в своей беспристрастности» (пункт 32 постановления).

В очень большом количестве дел, касающихся вопросов, связанных с беспристрастностью, Суд применял объективный подход. По мнению Суда, граница между беспристрастностью субъективной и беспристрастностью объективной не является непроницаемой, поскольку не только само поведение судьи может с точки зрения стороннего наблюдателя вызывать объективно обоснованные сомнения, касающиеся его беспристрастности (объективный подход), но она также затрагивает вопрос его личного убеждения (субъективный подход). Так, в случаях, когда оказывается сложным предоставить доказательства, позволяющие опровергнуть презумпцию субъективной беспристрастности судьи, условие объективной беспристрастности дает важную дополнительную гарантию (пункт 33 постановления).

Что касается объективной оценки, она состоит в том, – подчеркнул Суд, – «чтобы поставить вопрос, допускают ли, независимо от личного поведения судьи, определенные реальные факты недоверие к беспристрастности последнего» (пункт 34 постановления).

Суд напомнил, что он придерживается объективного подхода, который предусматривает рассмотрение реальных фактов в качестве дополнительной гарантии, а именно, если субъективный подход не позволяет доказать, что личное убеждение судьи позволяет выявить предубеждение (пункт 36 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, заявитель потребовал отвода судьи Д., основываясь на трех основаниях: отклонение процессуальных ходатайств и предварительной кассационной жалобы, поданных им; существование профессиональных отношений между судьей Д. и судьей М.¹²; наконец, поведение Д., который работал в качестве следователя по другому уголовному делу, к которому заявитель ранее

¹² Судья Д. был другом судьи М., приговор которой от 17 июля 2006 года, ранее вынесенный в отношении заявителя, был отменен судом кассационной инстанции.

привлекался¹³. Если судья Д. отклонил первое и второе основание – они не могли поставить под сомнение его беспристрастность, он принял третье. Кроме того, он добавил по своей инициативе четвертое основание, а именно – соседство между его семьей и семьей заявителя, хотя это основание не было указано заявителем в его заявлении об отводе (пункт 37 постановления).

Суд отметил: «судья Д. ссылаясь на эти два последних основания не только как на факты, которые могли «объективно» поставить под сомнение его беспристрастность, но что он однозначно подтвердил, что обстоятельства, изложенные им в его заявлениях, «породили [между ним и заявителем] враждебные отношения», а в пункте соседства между их семьями – «давние враждебные отношения»... Иными словами, этот судья сообщил о предвзятости по отношению к заявителю» (пункт 38 постановления).

Однако, отменяя постановление от 20 марта 2007 года¹⁴ по представлению, поданному прокурором, кассационная инстанция умолчала о проявлении судьей Д. совести в отношении его предубеждения против заявителя, не указав оснований, по которым она не приняла во внимание эти важные факты¹⁵ (пункт 38 постановления).

Как следовало из текста постановления, при возобновлении рассмотрения уголовного дела тот же судья Д. отклонил новые заявления об отводе, поданные заявителем, опираясь на основание, аналогичное приведенному областным судом в своем решении от 27 апреля 2007 года, и не признав наличие враждебных отношений между ним и заявителем. Между тем с учетом особых обстоятельств настоящего дела и того факта, что судья Д. ранее сам признал предвзятость в своем личном убеждении по отношению к заявителю, Суд посчитал маловероятным, что через короткое время после этого признания личное убеждение судьи Д. по отношению к заявителю могло измениться. Кроме того, это признание могло в дальнейшем служить основанием опасений заявителя, на этот раз в рамках «объективного» подхода, в отношении беспристрастности суда, который должен его судить (пункт 41 постановления).

Суд напомнил: «вышестоящая инстанция может в определенных случаях исправить недостаток, допущенный в производстве в суде первой

¹³ До того как стать судьей, Д., с 1993 по 2002 годы работал в отделе милиции и принимал участие в расследовании, к которому привлекался заявитель в связи с дорожным происшествием, что породило враждебные отношения между Д. и заявителем.

¹⁴ Постановлением от 20 марта 2007 года судья Д. удовлетворил заявление об отводе, поданное заявителем. Он счел, что его беспристрастность и объективность могли быть поставлены под сомнение в связи с враждебными отношениями, возникшими между ним и заявителем в обстоятельствах, изложенных в его заявлениях сторонам уголовного дела.

¹⁵ 27 апреля 2007 года областной суд отменил постановление от 20 марта 2007 года по представлению прокурора. Он счел, что основания, приведенные судьей Д. для удовлетворения заявления о его отводе, были недостаточными.

инстанции... Однако в вопросе независимости и беспристрастности он отвергает мысль, в соответствии с которой недостаток, допущенный в производстве в суде первой инстанции, мог быть исправлен на последующем этапе, считая, что обвиняемый имел право в первой инстанции на суд, который сам по себе отвечал бы всем условиям пункта 1 статьи 6 Конвенции... Он, однако, согласился, что отсутствие беспристрастности суда первой инстанции могло быть исправлено судом кассационной инстанции, если бы последняя отменила оспариваемое решение на том основании, что состав суда первой инстанции не мог гарантировать беспристрастность суда, и если бы, в случае необходимости, она направила дело на новое рассмотрение...». Между тем в данном деле Суд отметил следующее – областной суд, подтвердив в порядке кассации приговор районного суда от 14 сентября 2007 года, не исправил недостаток, связанный с небеспристрастностью суда первой инстанции (пункт 42 постановления).

Суд пришел к выводу, что право заявителя на рассмотрение дела беспристрастным судом соблюдено не было.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 17506/11 *«Кабанов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года), которым установлено нарушение статьи 6 Конвенции в связи с нарушением принципа беспристрастности присяжных заседателей при рассмотрении судом уголовного дела, возбужденного в отношении К., и неустранением национальными судами сомнений в этом отношении.

Суд напомнил, что он неоднократно подчеркивал, что суд, включая коллегия присяжных, должен быть беспристрастным как с субъективной, так и с объективной точек зрения (пункт 26 постановления).

Фактически, из прецедентной практики Суда следует, что «статья 6 Конвенции предусматривает, что каждый национальный судебный орган обязан проверять, является ли он по своему составу «беспристрастным судом», когда возникает спор по этому вопросу, который с самого начала не представляется явно лишенным оснований... Столкнувшись с утверждениями об отсутствии беспристрастности члена коллегии присяжных, судья должен принять надлежащие меры с учетом характера рассматриваемых утверждений, например, созвать коллегия присяжных для предоставления дальнейших инструкций после сбора [обращений] сторон (см.: постановление по делу *«Грегори против Соединенного Королевства»*, пункты 46–47 по поводу расистских утверждений одного из присяжных заседателей), «уволить» коллегия присяжных в полном составе (см.: постановление по делу *«Сэндер против Соединенного Королевства»*, пункт 34, когда один из присяжных заседателей косвенно признал себя автором расистских высказываний) или провести расследование для

обнаружения фактов, которые могут поставить под сомнение беспристрастность присяжных заседателей, а также установить, какое влияние эти факты могли бы оказать на их мнение (см.: постановление по делу «*Рамли против Франции*», пункт 47, о письменном заявлении, подтверждающем реальность расистских высказываний, приписываемых одному из присяжных), в частности, заслушав присяжных заседателей (см.: постановление по делу «*Фархи против Франции*», пункт 29, об обвинениях во взаимодействиях между некоторыми присяжными заседателями и представителем прокуратуры)» (пункт 27 постановления).

В данном деле стороны не оспаривали тот факт, что 16 июня 2008 года, во время совещания коллегии присяжных, председатель присяжных заседателей передал письменное обращение председательствующему судье, в котором он утверждал, что присяжная Ан. действовала не в соответствии со своими обязательствами, распространяя информацию, предоставленную источниками, не связанными с судебным процессом и, следовательно, не имеющими отношения к материалам уголовного дела. Суд отметил, что он не вправе принимать решение относительно доказательной ценности письменного обращения председателя присяжных заседателей или о реальности действий, вменяемых присяжной Ан. Тем не менее Суд подчеркнул, что «утверждение показалось достаточно серьезным, чтобы председательствующий судья принял адекватные меры для обеспечения того, чтобы суд мог рассматриваться как беспристрастный по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции, и обеспечил достаточные гарантии, чтобы рассеять любые сомнения в этом отношении. Кроме того, он указал, что в соответствии с внутренним законодательством и, в частности, частью 2 статьи 333 УПК РФ, присяжные заседатели должны воздерживаться от общения с кем-либо в ходе судебного процесса и получения информации об уголовном деле вне судебного рассмотрения. Суд обратил внимание в этом отношении, что председательствующий судья не провел расследование, чтобы установить, имел ли место оспариваемый факт, а именно – получение присяжной Ан. информации по уголовному делу вне суда и распространение этой информации среди присяжных в совещательной комнате» (пункт 28 постановления).

Суд указал, что, по утверждению властей, «после получения [обращения] от 16 июня 2008 года председательствующий судья напомнил присяжным заседателям об их обязательствах согласно части 2 статьи 333 УПК РФ... Но ничего в материалах дела, имеющих в его распоряжении, не подкреп[ило] это утверждение. Власти не представили копию протокола слушаний по уголовному делу против заявителя. В то время как [вышестоящая судебная инстанция]... заявила, что перед уходом коллегии присяжных в совещательную комнату 7 июня 2008 года председательствующий судья напомнил присяжным об их обязанностях в соответствии с частью 2 статьи 333 УПК РФ, нет подтверждения того, что

судья созвал присяжных заседателей после получения [обращения] от 16 июня 2008 года, чтобы провести дальнейший инструктаж и удостовериться, что его предварительные инструкции были правильно поняты...»¹⁶ (пункт 29 постановления).

Суд посчитал, что суд кассационной инстанции не придал особого значения обращению от 16 июня 2008 года, поскольку посчитал: это не относится к вердикту и инструкции, данные судьей коллегии присяжных, были достаточными. Суд обратил внимание на то, что суд кассационной инстанции не увидел нарушения, сделанного судьей областного суда в том, что касается принятия адекватных мер для рассеивания сомнения относительно беспристрастности коллегии присяжных (пункт 31 постановления).

Суд пришел к выводу – национальными судами не были предоставлены достаточные гарантии, чтобы исключить любые обоснованные сомнения в отношении беспристрастности коллегии присяжных, вынесшей обвинительный вердикт в отношении заявителя, и право последнего на беспристрастный суд в этом деле не было соблюдено (пункт 32 постановления).

*право на справедливое судебное разбирательство
(право на публичное судебное разбирательство)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобам №№ 23493/12 и 32397/12 **«Базанова и Мухачев против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 30 октября 2018 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением принципа публичности при рассмотрении уголовных дел в отношении *Б.*¹⁷ и *М.*¹⁸

Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отметил, что при принятии решения о проведении закрытого для общественности судебного разбирательства, суды сослались на необходимость обеспечения безопасности сторон уголовного процесса и защиты их репутации. Соответственно, в каждом случае перед Судом возникал вопрос о том,

¹⁶ См., в противоположность, постановление по делу «Грегори против Соединенного Королевства», где судья дал коллегии присяжных дальнейшие «четкие, подробные и решительные» инструкции и попытался «донести до членов коллегии присяжных идею о том, что в их обязанности в качестве присяжных заседателей входит принятие решения по делу исключительно на основе доказательств без влияния каких-либо других факторов».

¹⁷ Далее – первая заявительница.

¹⁸ Далее – второй заявитель.

оправдано ли решение национальных судов об отказе в публичном разбирательстве.

По мнению Суда, судам не удалось установить должный баланс между правом заявителей на публичное разбирательство по уголовному делу против них, с одной стороны, и другими важными интересами, с другой стороны (пункт 26 постановления).

Что касается дела первой заявительницы, то Суд не согласился с тем, что «защита интересов свидетелей»¹⁹ оправдывала исключение общественности из судебного разбирательства. Даже если предположить, что содержание их свидетельских показаний, возможно, потребовало бы определенных ограничений права первой заявительницы на публичное разбирательство, суд обязан в минимальной степени ограничить права обвиняемого. В настоящем деле Суд не усмотрел в имеющихся в его распоряжении материалах ничего, что указывало бы на то, что «заккрытие лишь части разбирательства, в ходе которого свидетели давали бы показания, поставило бы под угрозу или негативно сказалось бы на ясности и точности их показаний или нарушило бы их конфиденциальность. В качестве альтернативы, в крайнем случае, суд может также запретить прессе сообщать подробности судебного разбирательства» (пункт 27 постановления).

Что касается дела второго заявителя, то Суд напомнил: «проблемы с обеспечением безопасности характерны для многих разбирательств по уголовным делам, однако случаи, когда одно лишь наличие таких проблем является основанием для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании, тем не менее, встречаются редко... Безусловно, национальные судебные власти были обязаны обеспечить охрану и безопасность людей, присутствовавших в зале суда. Вместе с тем, по мнению Суда, меры безопасности должны применяться с учетом обстоятельств конкретного дела и соответствовать принципу необходимости. Судебным властям следует тщательным образом рассматривать любые возможные альтернативные меры, которые могут применяться для обеспечения охраны и безопасности в зале суда, и отдавать предпочтение тем из них, которые представляются менее строгими в контексте достижения одной и той же цели. Суд отме[тил], что в данном случае национальные суды не предприняли таких усилий. [Не было объяснено судом], почему уже принятые общие меры безопасности были недостаточными для обеспечения охраны и безопасности в зале суда. В отсутствие каких-либо конкретных деталей Суд также не [смог] согласиться с аргументацией национального суда о том, что проведение публичного разбирательства представляло угрозу для какой-либо стороны разбирательства и членов их семей» (пункт 28 постановления).

¹⁹ Власти указали, что суд принял решение не проводить публичное разбирательство только в ответ на жалобы свидетелей, получивших угрозы, и репутация которых пострадала в результате публикаций о судебном разбирательстве.

Суд учел тот факт, что кассационные слушания были открытыми. Однако, как уже неоднократно отмечалось ранее, «непроведение публичного разбирательства ни в коем случае не может быть исправлено ничем иным, кроме как проведением полноценного повторного слушания в апелляционном суде... В представленных материалах Суд не усмотр[ел], что рассмотрение, проведенное судами кассационной инстанции, имело необходимый объем» (пункт 30 постановления).

Суд пришел к следующему выводу – национальные суды не уделили должного внимания рассмотрению права заявителей на публичное разбирательство.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобам № 12668/08 **«Ламбин против Российской Федерации»** (вынесено 21 ноября 2017 года, вступило в силу 9 апреля 2018 года) и № 9904/09 **«Юдин против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 11 декабря 2018 года), которыми также установлены нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением принципа публичности при рассмотрении уголовного дела.

*право на справедливое судебное разбирательство
(право на участие защитника)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 30155/05 **«Верецагин и другие против Российской Федерации»** и по 2 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 года), в котором установлено нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением В. надлежащей юридической помощи ввиду отсутствия его адвоката при рассмотрении судом апелляционной жалобы заявителя и нерассмотрением его ходатайства о переносе судебного заседания.

*право на справедливое судебное разбирательство
(недопустимость провокации совершения преступления)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 66215/12 **«Кумицкий и другие против Российской Федерации»** и по 4 другим жалобам (вынесено 10 июля 2018 года, вступило в силу

10 октября 2018 года), в котором установлено нарушение положений статьи 6 Конвенции в связи с признанием заявителей виновными в совершении преступлений, спровоцированных действиями сотрудников органов внутренних дел в ходе оперативно-розыскных мероприятий, и ненадлежащим рассмотрением национальными судами заявлений о таких провокациях.

Суд напомнил: отсутствие в российской правовой системе ясной и предсказуемой процедуры санкционирования проверочных закупок является структурной проблемой, которая подвергает заявителей произволу со стороны правоохранительных органов и не позволяет национальным судам осуществлять эффективный пересмотр жалоб на провокации (пункт 19 постановления).

Суд обратил внимание – он неоднократно устанавливал факт нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции ввиду отсутствия надлежащей процедуры получения разрешения на осуществление контрольных закупок наркотиков и проведения таких закупок в законодательстве государства-ответчика, а также из-за ненадлежащего рассмотрения национальными судами жалоб заявителей о полицейской провокации, непринятия мер, направленных на установление истины и устранение каких-либо сомнений относительно того, действительно ли заявитель совершил преступление в результате провокации агента-provokatora (пункт 20 постановления).

Рассмотрев все представленные ему материалы, Суд не установил каких-либо фактов или доводов, которые позволили бы ему прийти к другому выводу относительно приемлемости и существа настоящих жалоб. Принимая во внимание прецедентную практику Суда по данному вопросу, Европейский Суд посчитал, что в настоящем деле уголовное судопроизводство в отношении заявителей было несовместимым с понятием справедливого судебного разбирательства.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 40442/07 *«Манелюк и другие против Российской Федерации»* и по 3 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года), в которой заявители также жаловались на то, что были несправедливо осуждены за преступления, к совершению которых они были спровоцированы полицией.

Европейский Суд подчеркнул роль национальных судов в делах, касающихся провокаций. Было акцентировано внимание на том, что «[л]юбое спорное заявление о подстрекательстве обязывает суды рассматривать его таким способом, который совместим... с правом на справедливое судебное разбирательство. Соответствующая процедура должна быть, по мнению Суда, состязательной, тщательной, всесторонней и неоспоримой по вопросу провокации, при этом бремя доказывания возлагается на сторону обвинения, которая должна доказать, что не было

никакого подстрекательства. Предмет судебного рассмотрения должен включать основания, по которым была назначена операция под прикрытием, степень участия полиции в совершении преступления и характер любого подстрекательства или давления, которому подвергся заявитель. Что касается Российской Федерации, Суд установил, что национальные суды имели возможность рассмотреть такие заявления, в частности, в рамках процедуры исключения доказательств» (пункт 34 постановления).

Суд постановил, что заявители, осужденные за сбыт наркотиков, чьи уголовные дела позже были повторно рассмотрены национальными судами, не перестали быть жертвами предполагаемого нарушения Конвенции, поскольку пересмотр их уголовных дел национальными судами был неэффективным и не соответствовал требованиям статьи 6 Конвенции и прецедентной практике Суда относительно стандарта такого пересмотра (пункт 34 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «в ходе пересмотра дел заявителей национальные суды лишь повторили доводы суда первой инстанции относительно первого эпизода сбыта наркотиков и постановили, что только остальные эпизоды сбыта наркотиков являются провокацией, поскольку они не преследовали никаких законных целей, например, раскрытия и предупреждения преступлений. Национальные суды не рассмотрели основные доводы, изложенные в жалобах заявителей, а именно, что у полиции не имелось веских оснований для проведения каждой операции под прикрытием, и что при их проведении заявители были неправомерно спровоцированы к сбыту наркотиков. Они не требовали каких-либо доказательств, касающихся существования изобличающей информации, полученной в ходе полицейской операции, а просто приняли неподтвержденные заявления полицейских в данном отношении» (пункт 36 постановления).

Суд отметил, что национальный суд, который возобновил производство по делу М., по всей видимости, должным образом рассмотрел ходатайство заявителя о провокации, степень участия правоохранительных органов в совершении преступления и соответствующие материалы дела, касающиеся операции под прикрытием. Имелись недопустимые доказательства, которые были получены в ходе операции под прикрытием и использовались для обвинения заявителя в продаже наркотиков. На основании этого анализа суд затем нашел основания для пересмотра в пользу заявителя его преступления в отношении первого эпизода продажи наркотиков и отменил его обвинительный приговор в отношении второго эпизода. Что касается переквалификации преступления заявителя как менее тяжкого, то Европейский Суд согласился с выводами национального суда, а также с учетом представленных ему на рассмотрение материалов дела, где заявитель признал, что он регулярно приобретал наркотики для личного пользования, в том числе в день операции под прикрытием. Суд также отметил, что в своих

замечаниях заявитель не утверждал, что он был спровоцирован на покупку наркотиков полицией. Наконец, национальный суд значительно сократил первоначальный срок лишения свободы на семь лет, назначенный заявителю в ходе первого этапа расследования, и установил право заявителя на частичную реабилитацию. Соответственно, Европейский Суд посчитал, что в конкретных обстоятельствах дела М. его повторное рассмотрение в целом соответствовало стандартам судебного пересмотра, разработанного в прецедентной практике Европейского Суда в отношении провокаций со стороны правоохранительных органов, и отвечало требованиям статьи 6 Конвенции (пункт 39 постановления).

Европейский Суд принял к сведению информацию, представленную Н., касающуюся предположительно недостаточной суммы компенсации, присужденной ему национальными судами. В связи с этим Европейский Суд напомнил, что «статус заявителя как «жертвы» может зависеть от уровня компенсации, присужденной на национальном уровне, где это уместно, или, по крайней мере, от возможности запрашивать и получать компенсацию за причиненный ущерб с учетом фактов, на которые он или она жалуется в Суде... В контексте жалоб по уголовному аспекту статьи 6 Конвенции Суд постановил – наиболее подходящей формой компенсации ущерба, в принципе, будет повторное слушание дела или возобновление разбирательства» (пункт 41 постановления).

Суд отметил следующее – не только разбирательство по делу Н. было возобновлено, а его дело было полностью пересмотрено, но и национальный суд также отменил его осуждение и установил его право на реабилитацию, и Н. смог претендовать и получить компенсацию за причиненный вред. Кроме этого, изучив текст приговора национального суда, Европейский Суд пришел к выводу – заявление заявителя о провокации было адекватно рассмотрено в ходе повторного слушания дела, и национальный суд предпринял необходимые меры, чтобы установить истину и избавиться от сомнений, совершил ли заявитель преступление в результате провокации агента-provokatora. Таким образом, Суд резюмировал: компенсация, которую Н. получил по своей жалобе, была надлежащей и соответствовала прецедентной практике Суда по данному вопросу²⁰ (пункт 42 постановления).

Принимая во внимание доводы властей Российской Федерации и свои собственные выводы, Европейский Суд, таким образом, учел возражения властей о том, что М. и Н. утратили статус жертвы в отношении их жалобы на провокации со стороны сотрудников полиции, и также посчитал, что в отношении них не было нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции вследствие последующего эффективного рассмотрения этой жалобы национальными судами.

²⁰ Н. утверждал, что, поскольку сумма компенсации составляет всего около 28 евро, он не мог считаться утратившим статус жертвы в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

Что касается К., то Европейский Суд отметил, что прокурор просил возобновить производство по его делу и отменить обвинительный приговор заявителю в получении взятки, поскольку, по мнению прокурора, сотрудник полиции подстрекал заявителя к совершению преступления, а у заявителя не было до этого изначального преступного умысла. Национальный суд отказал в возобновлении дела (пункт 44 постановления).

Суд отметил следующее – вопрос о провокации привлек лишь незначительное внимание со стороны национального суда. Он, по сути, отказался принять по существу жалобу о провокации, в частности, когда национальный суд отклонил довод прокурора относительно отсутствия доказательств предыдущего вовлечения заявителя в преступную деятельность, сосредоточив свой анализ только на действиях заявителя во время операции под прикрытием и отклонив доводы прокурора в довольно краткой форме. При таких обстоятельствах Европейский Суд посчитал, вопрос о провокации не был надлежащим образом рассмотрен национальным судом и что судебный пересмотр дела К. не соответствовал стандартам, разработанным в прецедентной практике Суда в свете статьи 6 Конвенции. Следовательно, Суд резюмировал: К. остался «жертвой» предполагаемого нарушения статьи 6 Конвенции (пункт 45 постановления).

Суд напомнил, что отсутствие в российской правовой системе ясной и предсказуемой процедуры санкционирования проверочных закупок является структурной проблемой, которая подвергает заявителей произволу со стороны правоохранительных органов и может не позволить национальным судам осуществлять эффективный пересмотр жалоб на провокации. Дело К. аналогично другим российским делам о провокации, в которых Суд всякий раз устанавливал нарушение в связи с недостатками в существующей процедуре санкционирования и проведения проверочных закупок наркотиков (пункт 46 постановления).

Суд не усмотрел никаких оснований для отступления от своих предыдущих выводов по этому вопросу и заявил – разбирательства по делам К. не соответствовали понятию справедливого судебного разбирательства. Принимая во внимание прочно сложившуюся прецедентную практику по данному вопросу, Суд пришел к выводу, что в отношении К. было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобам:

№ 7779/17 *«Боков и другие против Российской Федерации»* и по 5 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 26 марта 2020 года);

№ 22625/07 *«Климов и другие против Российской Федерации»* и по 8 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 30 ноября 2017 года);

№ 12233/10 *«Ливадний и другие против Российской Федерации»* и по 15 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 26 марта 2020 года);

№ 74986/10 *«Парамонов и другие против Российской Федерации»* и по 2 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 22 февраля 2018 года);

№ 28634/11 *«Хасанов и другие против Российской Федерации»* и по 5 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 27 июня 2019 года), в которых также были установлены нарушения положений статьи 6 Конвенции в связи с признанием заявителей виновными в совершении преступлений, спровоцированных действиями сотрудников органов внутренних дел в ходе оперативно-розыскных мероприятий, и ненадлежащим рассмотрением национальными судами заявлений о таких провокациях.

Одновременно в Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод на русский язык решения Европейского Суда по жалобе № 34709/12 *«Антон Владимирович Простотин против Российской Федерации»* и по 8 другим жалобам, которым суд отклонил жалобы заявителей, позитивно оценив эффективность предпринятых национальными судами мер по рассмотрению жалоб заявителей на провокации сотрудников органов внутренних дел к совершению преступлений.

Суд отметил, что в ряде дел он обращал внимание на роль национальных судов в рассмотрении уголовных дел, в которых обвиняемый утверждал, что его спровоцировали к совершению преступления. Любое спорное заявление о провокации, по мнению Суда, налагает на суды обязательство по его проверке и принятию итоговых решений по вопросу провокации к преступлению, при этом бремя доказывания отсутствия подстрекательства лежит на стороне обвинения. Суд также приходил к выводу о фактической несовместимости отрицания заявителями совершения преступления или простого содействия в покупке с одновременной жалобой на провоцирование совершения таких действий. По мнению Суда, сторона защиты в деле о провоцировании обязательно предполагает, что обвиняемый признает совершенное действие, но утверждает, что это произошло из-за незаконной провокации со стороны полиции.

Обращаясь к делам, Суд отметил, что жалобы заявителей о провокации были надлежащим образом рассмотрены российскими судами, которые предприняли необходимые меры, чтобы установить истину и избавиться от сомнений, совершили ли заявители преступление в связи с провокацией со стороны агента-провокатора. Их вывод о том, что провокации не было, опирался на обоснованную оценку доказательств, которые были существенными и достаточными. Суд также не упустил из виду тот факт, что в ходе уголовного судопроизводства в российских судах заявители либо отрицали факты, вмененные им в вину, и (или) оспаривали правовую квалификацию своих действий, либо прямо подтвердили свое участие в продаже наркотиков, изменив свои версии событий. Как бы то ни было,

несмотря на то, что приводящийся в защиту довод о провокации заявителей не был четко сформулирован в ходе разбирательств на национальном уровне, российские суды предприняли все возможные шаги для проверки каждой версии, в целях достижения уверенности в том, что действия, вмененные заявителям, не были результатом незаконных действий со стороны следственных органов.

Принимая во внимание объем судебного пересмотра жалоб заявителей о провокации, Суд посчитал, что жалобы заявителей являются явно необоснованными по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и должны быть отклонены в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

право на справедливое судебное разбирательство (соблюдение принципа презумпции невиновности); нахождение подсудимого в наручниках в ходе судебного разбирательства

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 50624/09 «**Корнилов против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 22 ноября 2016 года), которым установлено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением национальным судом принципа презумпции невиновности.

Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Конвенции, что в решении районного суда от 18 июня 2009 года, согласно которому был продлен срок его содержания под стражей, считалось установленным, что он совершил преступление и это нарушило его право на презумпцию невиновности.

Суд неоднократно отмечал: «презумпция невиновности, закрепленная в пункте 2 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов справедливого уголовного процесса, требуемого пунктом 1 статьи 6 Конвенции... Презумпция невиновности нарушается, если заявлением государственного должностного лица в отношении лица, которому предъявлено обвинение в преступлении, выражается мнение о том, что лицо виновно, до того, как его вина доказана в соответствии с законом. Даже при отсутствии любого формального решения достаточно наличия определенной аргументации, дающей основание предполагать, что должностное лицо рассматривает обвиняемого в качестве виновного. Факт нарушения принципа презумпции невиновности заявлением государственного должностного лица должен быть установлен в контексте определенных обстоятельств, в которых было сделано оспариваемое заявление» (пункт 28 постановления).

Суд отметил следующее – своим постановлением от 18 июня 2009 года районный суд заявил, что заявителя надлежит поместить под стражу,

поскольку он «совершил преступление». Утверждение не ограничивалось изложением «предположений о виновности» в отношении заявителя; в своем настоящем виде утверждение представляло собой установленный факт без каких-либо ограничений или оговорок, что заявитель был причастен к совершению тяжкого преступления (пункт 29 постановления).

На основании вышеизложенного Суд счел – формулировка решения районного суда от 18 июня 2009 года, а именно утверждение о том, что заявитель «совершил преступление», приравнивается к признанию заявителя виновным при отсутствии окончательного приговора и нарушает его право на презумпцию невиновности.

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.